

первая
среди
лучших

Татьяна УСТИНОВА

С небес
на землю

Татьяна Витальевна Устинова

С небес на землю

Серия «С небес на землю», книга 1

Серия «Сериал «Маша Поливанова»»

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=595695

С небес на землю: Эксмо; Москва; 2011

ISBN 978-5-699-47976-4

Аннотация

Он ведет странную жизнь и, кажется, не слишком ею доволен. У него странная профессия, странные привычки, даже имя странное – Алекс Шан-Гирей!..

Издательство, в которое Алекса пригласили на работу, на первый взгляд кажется вполне мирным, уютным и процветающим. Все друг друга любят и заняты благородным делом – изданием книг.

Все пойдет прахом как раз в тот день, когда в коридоре издательства обнаружится труп. Кто этот человек? Как он туда попал? Выходит, убил его один из тех самых милых и интеллигентных людей, занятых благородным делом?! И как докопаться до истины?!

А докапываться придется, потому что Алексу тоже угрожает смертельная опасность – он увяз в давней тяжелой ненависти,

совсем позабыл про любовь, потерялся по дороге. Да и враг, самый настоящий, реальный, хитрый и сильный, не дремлет!..

Ему во всем придется разбираться – в ненависти, в любви, во врагах и друзьях, ибо он не знает, кто друг, а кто враг! Ему придется вернуться с небес на землю, оглядеться по сторонам, перевести дыхание и понять, что здесь, на земле, все не так уж и плохо!..

Татьяна Устинова

С небес на землю

«Снова все испорчено. Ведь как должно бы быть: сначала у тебя появляется тайна, а потом ты преподносишь всем сюрприз. Но если живешь в семье, ничего не получается – ни тайны, ни сюрприза. Все всё знают с самого начала, так что никогда ничего веселого не получится».

Туве Янссон, «Повесть о последнем в мире драконе»

– Вы кто?!

Он мялся на пороге, не решаясь войти.

– А... вас не предупреждали обо мне?

Ответом на этот вопрос явилось возмущенное фырканье – должно быть, не предупреждали!..

Он ждал, скулы у него покраснели, и от неловкости вдруг стало очень жарко, а она не торопилась. Сложила бумаги, выровняла по краям и без того идеальную стопку, сцепила руки в замок – кисти крупные, ногти короткие без лака, – погрузила подбородок в волны шейного платка, завязанного почти по-пионерски, и уставилась на него поверх очков.

Он ждал в дверях – терпеливо.

– И что вам нужно?

Он улыбнулся, чувствуя собственное собачье заискивание. Он то и дело заискивал, особенно в последнее время.

– Моя фамилия...

– Дверь.

– Простите?..

– Закройте дверь.

Он помолчал секунду.

Как плохо все начинается!.. Как отвратительно все начинается. Хуже не придумаешь. Ему просто необходимо стать здесь... своим, и ничего не получается!..

Впрочем, у него вообще ничего не получается. Особенно в последнее время.

– Я могу зайти потом...

– Не нужно потом! – рыкнула хозяйка кабинета. – Вы уже зашли сейчас! Закройте дверь. Пройдите. Сядьте.

Вот на кого она похожа – на ефрейторшу из черно-белого фильма про войну! Ему всегда нравилось придумывать сравнения.

Он проделал все, как было велено: закрыл, прошел, сел, и очень неудачно! Оказалось, что кресло глубокое, вязкое, низкое, и теперь взгляд его упирался как раз в узел ее пионерского галстука. Чтоб добраться до лица, приходилось смотреть вверх.

– Вы кто? Автор? Если так, то вам на второй этаж, я авторов не принимаю.

Он вдруг развеселился – настолько, насколько позволяло его теперешнее положение.

– Почему... автор?

– У вас недокормленный вид, как у всех писателей. Или

вы с бумагами от Канторовича?

– Моя фамилия Шан-Гирей. – Он облизнул губы, которые все время сохли. – И я новый сотрудник издательства.

Конечно, она ничего не услышала, кроме странной фамилии!..

– Ка-ак?!

– Шан-Гирей, – повторил он. – Пишется через черточку, то есть через тире. То есть через дефис. У Лермонтова, если помните, были родственники по линии бабушки как раз Шан-Гирей...

– Да при чем тут дефис и родственники Лермонтова?! – Она сдернула очки. – Вы кто?!

– Я новый заместитель генерального директора. – Ей-богу, он чувствовал себя виноватым, как будто признавался в чем-то постыдном! – Я шел мимо, а у вас дверь была открыта, и я решил...

Очки шлепнулись на пол с дребезжащим звуком. Он кинулся их поднимать, но, пока доставал себя из кресла, она уже вынырнула из-под стола, зажав очки в руке, дико на него взглянула и схватила за телефон.

Ну да, конечно. Следует немедленно все проверить. Какой, к черту, из него заместитель генерального! Того и гляди, милицию придется вызывать, а то и санитаров.

– Настя, соедините меня! Нет, прямо сейчас. – Она послушала немного. – Хорошо, я подожду. А вы сядьте, сядьте!..

Решив, что в кресло ни за что не вернется, он огляделся,

обнаружил три стула, стоящих вдоль стены, сел на средний, справа пристроил сумку, а слева куртку. Потом решил, что таким образом занимает слишком много места, и пристроил куртку на сумку. Потом еще немного подумал и взвалил весь ком себе на колени.

Хозяйка кабинета следила за его возней, не отнимая трубки от уха, – очень неодобрительно, немного даже с подозрением.

Видимо, на том конце линии что-то произошло, потому что выражение у нее моментально стало притворно-ласковым, нежным, как будто абонент из трубки мог воочию наблюдать «ряд волшебных изменений чудного лица».

– Анна Иосифовна, это я. Простите, что беспокою, но ко мне пришел человек, который утверждает, будто он ваш новый заместитель, а я ничего об этом не зна...

В трубке заворковало, довольно громко.

Слов он не мог разобрать, конечно, но понятно было, что говорят убедительно, даже настойчиво, и чем дальше, тем больше эта настойчивость повергает ефрейторшу в растерянность.

Растерянная ефрейторша – своеобразное зрелище.

– Хорошо, – сказала она так, как по уставу положено говорить «есть!»: ясно, громко, четко. – Поняла. Да. Сделаю все, что смогу.

Задумчиво постучала себя по ладони смолкшей трубкой, выбралась из-за стола, подошла к окну и уставилась на ули-

цу.

Он ждал.

Ефрейторша спохватилась, подтянула узел шейного платка, смахивавшего на пионерский галстук, выдохнула, как будто хлопнув стопку, и повернулась к нему.

– Итак, здравствуйте! – Это было сказано до странности бодряческим тоном и так фальшиво, что ему вновь стало неловко. – Меня зовут Митрофанова Екатерина Петровна, будем знакомы.

Издали протянув руку, она двинулась на него, он вскочил, куртка полетела на пол, сверху плюхнулась сумка, из которой лениво, как будто неохотно, вывалились растрепанная записная книжка, какие-то разномастные карандаши, наушники и журнал с красивой девушкой на обложке.

Вместо того чтобы пожать протянутую руку, он начал бес толково собирать свое барахло и совать его обратно в сумку, а когда выпрямился, пожимать было нечего.

Она стояла словно по команде «вольно» и смотрела на него, похоже, с отвращением.

– Меня только что назначили, – сказал он, пытаясь оправдаться немного. – Анна Иосифовна, должно быть, просто не успела поставить вас в известность...

– Ну да, – согласилась Екатерина Петровна бесстрастно. – Ну да.

Полоумная старуха окончательно лишилась разума, вот что она хотела сказать на самом деле, и он отлично понимал

это. Назначить *такого* заместителем – кем же надо быть?!

Ему не хотелось оправдываться, в последнее время он устал оправдываться, но то и дело приходилось!..

– Наверное, будет официальное представление, то есть даже обязательно, но я решил заранее...

– Насколько я понимаю, – перебила его Екатерина Митрофанова, – вы пришли на место Веселовского, то есть именно вы будете заниматься работой с авторами...

И тут она не справилась. Тяжело опустилась на свой трон и взялась рукой за лоб.

– Господи-и-и, – протянула по-бабьи, – да что ж это такое? Как вас хоть зовут-то?..

– Алекс, – бухнул он по привычке, но тут же поправился: – Александр.

– Прэлэстно, – оценила Екатерина Петровна тоном Фаины Раневской, – еще и Алекс! Алекс Юстасу. Господи-и-и...

– Вы не переживайте так, – сказал он негромко. – На самом деле я нормальный.

И зря сказал!.. Впрочем, он часто говорил невпопад, особенно в последнее время!.. Она отняла руку ото лба, взглянула, и от ненависти и отвращения у нее затряслись губы.

– Анна Иосифовна, разумеется, вольна принимать любые решения! И обсуждать их с вами я не намерена! – Она помолчала немного, пытаясь справиться с собой. – Итак, у вас ко мне какой-то конкретный вопрос, Александр... как вас по отчеству?..

– Павлович. – Никто и никогда не называл его по отчеству в той, давней, жизни, которая была у него когда-то. В новой, по всей видимости, придется привыкать. – У меня нет никаких вопросов, Екатерина Петровна. Я просто хотел познакомиться.

– Значит, будем все решать в рабочем порядке, Александр Павлович, – подытожила Екатерина Петровна. – Или помощь вам не нужна и вы все понимаете в работе с авторами и в издательском деле, как таковом?..

Эта казенная формулировка – как таковая – почему-то окончательно убедила его в нелепости всей затеи. Ему никогда не стать здесь своим, и ничего он не сможет с этим поделать, и ничего у него опять не выйдет, это уж точно!..

Слишком часто он думал, что ничего не выйдет, – особенно в последнее время!..

Прижимая к груди куртку, а к боку нелепо раззявленную сумку, он попятился к выходу, отчего-то не решаясь повернуться к хозяйке кабинета спиной, словно она являла собой Стену Плача, как вдруг дверь распахнулась, едва не поддав его по заднице, и на пороге показалась перепуганная тетка. В каждой руке у нее было зажато по мобильному телефону.

Она почти споткнулась об Алекса, но не обратила на него никакого внимания. Он посторонился, пропуская ее.

– Катя, – выпалила тетка, и глаза у нее внезапно налились слезами, – ты только не пугайся, но у нас... прямо здесь, в коридоре... Тебе, наверное, самой надо посмотреть...

– Что?! Что такое?!

– Человека убили, – зловещим шепотом договорила та и оглянулась по сторонам.

Вот все и началось, успел подумать Алекс.

Человек лежал ничком в комнатенке, заставленной железными шкафами. Дверцы шкафов были открыты, и внутри виднелись собранные в пучки пыльные провода, тумблеры и какие-то кнопки.

Люди в коридоре негромко переговаривались, но входить не решались и расступились как по команде, когда, громко топая, примчалась задыхающаяся Екатерина Петровна со свитой – начальником отдела женской прозы Надеждой Кузьминичной и неизвестным странным типом. Тип, завидевши труп, быстро ретировался в боковой коридор. Там он почему-то сел на пол, достал мобильный и нажал кнопку. Рука у него тряслась.

Стрешнев все время видел его боковым зрением.

А этот откуда взялся?

Митрофанова пятилась от лежащего тела, отводила глаза и с трудом сглатывала.

– Кто это?!

– Да неизвестно кто, Екатерина Петровна...

– Как неизвестно, когда он в этом... как его... ну, в форме! Где Сергей Ильич?

У Екатерины, оказывается, нервишки тоже наличествуют,

потому что голос она возвысила почти до визга и очки на носу перекошились, сделав ее смешной и жалкой.

– Где начальник хозяйственной службы, я спрашиваю?! Позовите его кто-нибудь немедленно!

– Да его с утра не было, Екатерина Петровна. Он, кажется, на склад в Видное уехал и сегодня быть не собирался.

– Ну, тогда кого-нибудь, кто может знать этого... покойного! Найти быстро!..

«Напрасно она вопит, – подумал Стрешнев, – ох напрасно!.. Нельзя так расходиться на глазах у людей. И без того происшествие... неприятное. Трагическое, можно сказать».

Народ все прибывал, запах беды и сенсации волнами расходился по издательству. Повсюду хлопали двери, и коридор потихоньку начинал гудеть, заполняясь голосами, как встревоженный среди зимы омшаник.

– А крови-то... – бормотала Надежда Кузьминична. – Катя, там столько крови...

– Прекратить! Закройте дверь немедленно!

– Как же ее закроешь, если там у него... ноги!..

Труп действительно лежал так, что закрыть дверь было никак невозможно.

– А милиция? Вызывать?..

– Господи, да кто же его так?..

– Из спины торчит, видишь?..

– А это наш рабочий, что ли?..

Надежда Кузьминична протолкалась через гомонящую

толпу, зажимая рот рукой, и кинулась в сторону туалета.

Неизвестно как здесь оказавшийся, трясущийся тип что-то быстро говорил в мобильный телефон, и Стрешнев, который беспокоился все больше, решил подойти к нему.

– Вы кто?

Тип поднял светлые, совершенно больные глаза, мотнул головой и сказал в трубку:

– Все, я уже не могу разговаривать. Давай. Думай быстрее. Пока.

– Вы кто?!

Тот поднялся, придерживаясь рукой за стену. Какие-то вещи остались лежать на полу – кучей.

– Если вы журналист... – возвысил голос Стрешнев.

– Я не журналист, – выговорил тип неохотно. – Я новый сотрудник издательства. – Тут Стрешнев вытаращил глаза. – Моя фамилия Шан-Гирей, и навести обо мне справки вы можете у Анны Иосифовны.

Стрешнев не поверил ни единому его слову.

– А кому вы кинулись звонить так поспешно?

Новый сотрудник вытащил из кучи на полу объемистую сумку и зачем-то воздвиг ее на плечо.

– Я звонил своей девушке, – глядя Стрешневу в лоб, выговорил он. – Назначал свидание. Этого достаточно или вы еще что-то хотите узнать?..

– Саша! Саша, подойди сюда быстрее!

Стрешнев дернул шеей – отступить ему не хотелось. И за-

пах беды, разлитый в коридоре, взвинчивал нервы, как будто с каждым вздохом струна все туже натягивалась на колок.

– Саша!!! Где Стрешнев?!

Зная, что Екатерина теперь ни за что не уймется, так и будет голосить, Стрешнев еще раз смерил бледного субъекта взглядом, чтобы у того не оставалось никаких сомнений в том, что поединок не окончен, и ввинтился в уплотнившуюся и разросшуюся толпу.

– Катя, я здесь. – И он понизил голос: – Что ты кричишь?..

– Нужно послать кого-то наверх, чтобы Анна Иосифовна сюда не подходила! Вообще что-то надо делать! Я не знаю, «Скорую», что ли, вызвать или милицию!

– И «Скорую», и милицию.

– Может, имеет смысл сначала Павлу позвонить?..

И они посмотрели друг другу в глаза.

Да. Такой шаг требовал серьезных обсуждений, а времени у них не было совсем.

– В любом случае придется звонить ментам! Даже если Павел...

– А что Павел, когда у нас тут... убийство?!

– Вот именно, – сказал Стрешнев значительно. – Вот именно.

Митрофанова перевела взгляд на толпу у него за плечом и вдруг заговорила громко и отчетливо, как на плацу перед строем:

– Значит, так. Никаких мобильных телефонов. Все убрать

немедленно. Если кто-то вякнет хоть что-то в Интернете, найду и уволю по статье. Вы все прекрасно знаете, что так и будет!

Глазами она зацепилась за кого-то в толпе и спросила, еще прибавив голосу:

– Так, Олечка?!

– Так, Екатерина Петровна, – проблеяла Олечка из отдела русской прозы. Всем в издательстве было хорошо известно, что эта самая Олечка – «крутой блогер» и однажды ее блог прочитали целых сто человек. Это было событием.

– И я советую всем вернуться на свои рабочие места!

«А вот это опять напрасно, – подумал Стрешнев. – Все равно никто не вернется, а давать указания, которые никто не собирается выполнять, – глупо и ни к чему».

– Что здесь происходит?..

Екатерина Петровна вздрогнула, очки перекосились еще больше, и рот утратил четкие контуры, словно она собралась зарыдать. Стрешнев даже поддержал ее под локоть.

– Где Митрофанова? Стрешнев где?

Из конца коридора, заполненного народом уже до краев, как будто пошла приливная волна, сотрудники шарахнулись к стенам, и к ним приблизился Павел Литовченко – владелец издательства «Алфавит», самого крупного в России и третьего в Европе, бог отец, бог сын и бог дух святой в одном лице.

Митрофанова быстро глянула на Стрешнева.

...Откуда он здесь взялся?! Мы же только собирались ему звонить! Или ты меня обошел на повороте и уже позвонил сам?! Если так – берегись. Не прощу.

Стрешнев отвел глаза.

Понятия не имею откуда!.. Он же почти никогда не приезжает! Впрочем, может, оно и к лучшему. Не придется звонить.

– Павел Николаевич, у нас здесь... несчастье!

– Как это случилось?

– Мы не знаем. Надежда Кузьминична зашла в этот коридор и вот... нашла. – Митрофанова обеими руками подтянула узел шейного платка, похожего на пионерский галстук. – Я собиралась вам звонить, а вы уже приехали, оказывается.

– Милицию вызывайте, – приказал Литовченко охраннику. – И службу безопасности сюда. Кто там? Беляев Володя?

– Он самый.

– Вот и его тоже. Кто убит, хоть определили?

– Да в том-то и дело, что нет! Он в комбинезоне, значит, из хозслужбы, но начальник в Видном, и мы пока...

Давешний нервный тип вдруг материализовался из отхлынувшей толпы, выбрался на передний план и даже задел Литовченко плечом.

Митрофанова изменилась в лице. Стрешнев сделал движение, будто собирался схватить типа за шиворот. Литовченко посмотрел и посторонился. Его охранник что-то быстро говорил в мобильный, тоже взглянул без всякого интере-

са и отвернулся.

Тип присел на корточки и зачем-то уставился на ботинки лежащего ничком мужчины в комбинезоне.

– Анну Иосифовну уже успели перепугать?

– Павел Николаевич, я послала к ней людей, чтоб ее сюда не пускали, но, конечно, все уже знают, и она наверняка тоже.

– С ней никаких подробностей не обсуждать, – приказал владелец своим топ-менеджерам таким же тоном, каким они сами давеча приказывали остальным.

Блогер Олечка пришла в восторг и даже слегка пнула в бок Кирюшу из художественного отдела, который тоже славился любовью к Всемирной сети, и одними губами выговорила: «Получила, сука!» Справедливость, с ее точки зрения, таким образом хоть отчасти восторжествовала!..

Рассмотрев ботинки лежащего, тип перевел взгляд на лужицу темной крови, затекшую под железный шкаф, и Стрешневу, который не отводил от него глаз, показалось, что его сейчас вырвет.

– Вы бы шли отсюда, – Стрешнев ткнул типа в плечо железным пальцем, и тот оглянулся, но, кажется, ничего и никого не увидел.

– Да, – пробормотал он, – да, сейчас. Одну секундочку. Вытянул шею и заглянул в комнатенку.

Почему-то следом за ним туда же заглянул и Литовченко.

– А что здесь вообще помещается? – Он повернулся и по-

смотрел на Митрофанову.

Екатерина Петровна под его взглядом заметалась, заоглядывалась, боком, по-куриному отступила, стрельнула глазами в Стрешнева, но он ничем не мог ей помочь – или не хотел.

– Я точно не знаю... Кажется, какой-то склад.

– Склад чего?! Металлолома?!

Новый сотрудник со странной фамилией перешагнул через труп и оказался внутри.

– Скоро приедет Сергей Ильич и скажет, а я в хозяйственных помещениях не очень разбираюсь... – Она тревожно заглянула внутрь. – Послушайте, как вас там!.. Туда нельзя, вы что, не соображаете совсем?!

– Да, да, – отозвался изнутри давешний полоумный. – Я сейчас.

Почему-то ни Литовченко, ни охранник не обращали на него никакого внимания, волновались только Екатерина Петровна со Стрешневым.

Впрочем, что за дело может быть владельцу издательства, да еще в подобных обстоятельствах, до какого-то там празднующегося!..

– Удар-то, – себе под нос пробормотал охранник, – прямо в печень. Точнехонько. Шансов никаких.

– Нож?

– Нож. И такой... непростой нож, Павел Николаевич. Ручка видите какая?..

Екатерина Петровна изо всех сил отворачивалась от ножа, вытягивала шею, пытаясь определить, что делает в комнате новый сотрудник. Ей очень хотелось выместить на ком-нибудь собственные ужас и бессилие, и этот тип подходил как нельзя лучше.

– Послушайте, что вам там нужно?! Выходите оттуда! Вы разве не знаете, что до приезда милиции ничего нельзя трогать!

Новый сотрудник не отзывался, а переступить через труп Екатерина Петровна не решалась. В толпе у нее за спиной произошло движение, вдруг все неожиданно громко заговорили, зашевелились, и Литовченко весь перекосялся:

– Этого еще не хватало! Я же просил! Екатерина Петровна!

Пожилая дама со встревоженным лицом быстро подошла и ухватила владельца издательства за рукав.

– Анна Иосифовна, зачем вы пришли? – Он положил свою ладонь на ее наманикюренные пальчики, слегка пожал с осторожным и нежным уважением. – Не стоит на это смотреть. Сейчас приедет милиция, а вы пока возвращайтесь в кабинет. Вот... госпожа Митрофанова вас проводит.

Госпожа Митрофанова подалась вперед, демонстрируя полную готовность провожать старушку в кабинет.

– Павел, – отчетливо выговорила Анна Иосифовна, – ты понимаешь, что это означает?..

Это было сказано таким тоном, что люди вокруг смолкли,

словно по команде.

– Я зайду к вам, как только разберусь здесь, – глядя ей в глаза, пообещал Литовченко. – А сейчас прошу вас!..

Она сосредоточенно кивнула, отцепилась от его руки, сделала шаг – все расступились, давая ей дорогу, – вдруг повернулась и остановившимся взглядом посмотрела на лужу крови.

– Нас же предупреждали, – как будто удивленно пробормотала она и стала валиться на бок. Охранник подскочил и поддержал ее, Литовченко что-то заорал про врача, началась суматоха, и в этой суматохе новый сотрудник исчез из комнаты с трупом, как будто его и не было.

Всего неотвеченных вызовов оказалось пятнадцать. Три от Даши, два от матери, а остальные десять номеров ни о чем ему не говорили.

Матери он перезвонил сразу.

– Как твой первый рабочий день? Как тебя приняли?

Ему стало смешно.

– Да все отлично. Приняли с распростертыми объятиями.

Сказали, что только меня и ждали.

– Алекс, что опять случилось?!

– Почему случилось? И почему опять?

– Потому что с тобой все время что-то случается!

– Мам, – морщась оттого, что вода с зонта лилась прямо ему в ботинок, сказал он, – все хорошо. Честно. Правда, там

детектив какой-то... действительно случился, но он не имеет ко мне отношения.

Как раз детектив имел к нему непосредственное отношение, но говорить об этом матери он не стал. Он вообще то и дело недоговаривал, врал, изворачивался – особенно в последнее время!

– Какой... детектив? – опешила мать. – Который на бумаге писатель пишет или что-то на самом деле произошло?

– Произошла детективная история, мам, – бодро проинформировал он. – Я тебе сейчас не буду рассказывать, ладно?

Мать вздохнула. Сыновнее упрямство было ей хорошо известно.

– Ну и не рассказывай, не очень-то и хотелось!.. А ужинать приедешь?

– И ужинать я не приеду.

– Вредничаешь? – осведомилась она.

– Просто не приеду. – Он никак не мог сообразить, что нужно сделать, чтобы в ботинок лило не так сильно. – Уже поздно, а мне завтра на работу.

– Это хорошо, сынок, – вдруг сказала мать с силой. – Это очень хорошо, что тебе на работу! Сколько времени ты без работы просидел?..

– Мам, я тебе завтра позвоню, – быстро перебил он. – Ты ни о чем не волнуйся.

– Тогда, может, завтра с Дашей приедете? Будем широко

отмечать твой выход на работу.

Алекс знал, он и завтра не придет тоже, но соврал, что придет. Вместе с Дашей.

Даше он перезванивать не стал.

Путь ему предстоял неблизкий – метро, две пересадки, потом автобусом среди громадных, до свинцовых небес, человеческих ульев, наполненных голосами, страхами, злостью, радостью, усталостью, унынием, надеждой, завистью, добротой, безразличием. Он чувствовал клубящееся месиво внутри ульев, как будто оно клубилось у него внутри, чужие эмоции давили на мозг, не давали покоя, будили его по ночам.

Даша утверждала, что он сумасшедший.

Все они в разное время жизни уверяли его, что он сумасшедший!.. И настал момент, когда он почти поверил в это.

Он брел вдоль громадного здания издательства «Алфавит» и уговаривал себя не думать о собственном помешательстве. Зонт то и дело цеплялся за ветки старых лип, которые в этой части Москвы почему-то еще не успели вырубить, и холодные капли падали на лицо и волосы, стекали за воротник. В ботинке хлюпало, и он точно знал, что завтра будет плох и простужен.

Он всегда простужался, стоило только промочить ноги. Даша говорила – нежен, аки красна девица!..

Итак, все случилось сразу же, как только он переступил порог издательства. У него даже не оказалось времени, что-

бы подготовиться, а подготовиться следовало бы!..

Он вспомнил мертвого человека, лужу черной крови под ним – часть лужи уползала под металлический шкаф – и растерянных людей, толпившихся в коридоре. Еще бы!.. Такие происшествия, как правило, не происходят в добропорядочных учреждениях, да еще устроенных нарочито по-европейски – с просторными светлыми коридорами, переговорными комнатами, зимними садами, кактусами на подоконниках и длинноногими девушками, вышагивающими на шпильках по чистым лестницам в поисках лучшей доли!

Ему почему-то всегда казалось, что девушки в офисах заняты исключительно поисками лучшей доли и уж никак не работой, какой бы она ни была!..

Кем был погибший, так и не удалось установить, по крайней мере, Алекс понял это из разговора Митрофановой и того, второго, который, кажется, собирался схватить его за шиворот в коридоре. Митрофанова говорила громко и замолчала, только когда обнаружила, что он, Алекс, возится поблизости со своей вечно открывающейся сумкой и слышит каждое ее слово.

– ...откуда он вообще взялся, вот загадка! По фото его никто не опознал. Нигде нет о нем сведений – ни в нашем отделе кадров, ни у смежников! Ну, не с улицы же он пришел прямо в этом комбинезоне! И у нас в издательстве его вот так сразу пырнули ножом?! Ну так же не бывает!

Второй соглашался, поддакивал, кивал, а потом они уви-

дали Алекса, замолчали как по команде и один за другим выскочили на улицу, словно боялись... что он подойдет и как-то скомпрометирует их своим присутствием. Вроде бы он не вполне приличный человек, что ли!..

Впрочем, его это не должно касаться.

У него есть задача, и он сделает все, чтобы ее решить.

Из пасти метро сильно и равномерно тянуло теплым сырым воздухом, пахнущим машинным маслом и человеческой толпой, он сунул под мышку мокрый зонт и стал спускаться в преисподнюю.

...Странно все.

Странно, что убитого так и не опознали. Странно, что никто из служащих не признал в нем знакомого, и – больше того! – никто и никогда его раньше не видел. Впрочем, может быть, это как раз вскоре выяснится, когда опросят всех, кто имел доступ в здание, – не только сантехников и дворников, но электриков, уборщиков, подсобных рабочих, ремонтников, лифтеров, садовников. За кактусами наверняка кто-то ухаживал! И ничего нет удивительного в том, что в отделе кадров этот человек не зарегистрирован. Его там и быть не может, если он приходил, к примеру, раз в месяц и менял во всех сортирах лампочки или протирал листья у фикусов!

Странно, что убили среди бела дня – зарезали, как в плохом сериале! В коридоре, где в любую минуту могли оказаться случайные свидетели!

И уж совсем непонятно, что именно ему понадобилось в

этой комнате, заставленной железными шкафами.

Насколько Алекс мог судить, в нее после ремонта стащили все старое оборудование – неработающие серверы, стойки и шкафы для мониторов видеонаблюдения. Все это было пыльное, брошенное и уж точно давно не используемое. Зачем его туда понесло?..

Да, и ботинки! Вот в чем главная странность!

Вспомнив про ботинки, Алекс пошевелил собственными пальцами в собственном мокром ботинке и шмыгнул носом, проверяя, заболел он уже или еще нет.

Пока было неясно.

И удар ножом – точно рассчитанный, как сказали бы в том же дешевом сериале, профессиональный. Интересно, среди сотрудников Анны Иосифовны есть профессиональные киллеры или хотя бы работники спецслужб?..

Как плохо, что он не успел подготовиться! Как неудачно, глупо опять вышло! И человек погиб.

Поезд сильно качнуло, и какой-то дядька в кожаной куртке так приналег на него, что Алекс обеими руками схватился за поручень. Поезд опять качнуло, дядька почти повалился, и на этот раз Алекс ткнулся в поручень лбом – ощутимо.

– Прости, парень, – пробормотал дядька, обретя устойчивость, – как скотов возят, чесслово!..

...И еще там явно что-то лежало. На одной из металлических полок, заваленных проводами и прочим хламом, пыль была то ли стерта, то ли второпях смахнута, как если бы с

полки сдернули какой-то предмет, вроде записной книжки или конверта.

Интересно, заметили это приехавшие сотрудники милиции или нет?..

Странно. Как все странно и... угрожающе.

Алекс не мог допустить, чтобы что-то угрожало Анне Иосифовне.

С ней бы нужно поговорить, но сегодня это никак невозможно, да и завтра он вряд ли сумеет к ней пробиться!

...И еще эта тетка – Надежда Кузьминична, кажется, – обнаружившая труп. Как она там оказалась, в этом коридоре? Насколько Алекс понял, коридор никуда не ведет, заканчивается дверью на черную лестницу, которая давным-давно не используется и просто заколочена, как это часто бывает в старых домах. Зачем ее туда понесло?.. Туалеты за углом, у лифтов, а в этом коридоре только хозяйственные комнатенки вроде вентиляторных и кладовых!..

Мысль все время возвращалась к одному и тому же – не зря Даша утверждала, что он сумасшедший! Он думал «по кругу» – труп, ботинки, стертая пыль, коридор, и опять сначала.

Автобуса долго не было, Алекс сильно мерз, уже отчетливо осознавая, что заболевает, и на свою околицу – когда-то ему придумалось околицей называть конечную остановку – он прибыл в мелком температурном ознобе. Гадость какая.

В сумерках он почти ничего не видел. На свету и в темно-

те еще туда-сюда, а в сумерках слепнул, как крот. Эта особенность зрения имела какое-то научное название, даже довольно поэтическое, но он знал, что ничего поэтичного в этом нет, «куриная слепота», да и только!.. Зонт открывать не стал, перебрался через дорогу и зашагал вдоль очередного громадного – до небес, с которых все лило! – человеческого улья в сторону своего дома.

За спиной аккуратно скрипнули тормоза, и Алекс перебрался на тротуар. По нему следовало двигаться осторожно, автомобильные рыла были приткнуты почти вплотную к ограде, и их приходилось как-то обходить, а фонарь давно не горел.

Он повернул за угол, миновал освещенный квадрат асфальта у аптечного крыльца, опять вступил в темноту, и тут в голове у него вдруг что-то взорвалось с такой силой, как будто взорвался мозг, и разбил кости, и фонтаном вылетел наружу.

Алекс упал на колени, обхватив руками лопнувшую голову, но его подбросило вверх, и от следующего удара показалось, что разорвалось сердце. Спиной он угодил на металлическую оградку, но тут его спасла сумка!.. Сумка осталась на ограждении, а он перекатился на детскую площадку и встал на колени, хрипя и кашляя. Изо рта что-то текло, и Алекс успел подумать, что очень некрасиво, когда течет изо рта, и это надо как-то остановить.

Далее он почти ничего не помнил и не мог сопротивлять-

ся, потому что не понимал, чему и кому сопротивляться, и мир вокруг встал на дыбы, и оказалось, что он состоит только из дождя, песка и запаха его, Алекса, крови.

Потом ему примерещилась громадная черная собака или волк с горящими глазами, и чей-то медленный и вязкий голос, мягко толкнувшийся в лопнувшие барабанные перепонки, сказал над ним почти ласково:

– Не лезь не в свое дело!..

С утра пораньше Екатерина Петровна вызвала начальника IT-отдела и уволила его.

Не ожидавший ничего подобного начальник как плюхнулся в кресло, так и остался в нем сидеть.

Со своего места Екатерина Петровна видела нелепо торчащие из кресла джинсовые колени, а прямо над ними перепуганные глаза.

– Да, но... я не понимаю ничего!..

Екатерина смотрела на него поверх очков – фирменный прием, знакомый всему издательству.

Потом выровняла перед собой и без того идеальную стопку бумаг, сцепила руки в замок и произнесла сухо:

– Извольте, я объясню. Вы допустили утечку информации, а я обещала, что уволю того, кто ее допустит. Вот и все. Вы уволены.

– Екатерина Петровна, – забормотал начальник, колени задвигались, он кое-как выбрался из кресла и предстал перед

ней, прижимая к груди кулаки, – если вы о том, что фото нашего убитого выложили в инет...

– Стоп, – перебила Митрофанова, – что вы несете?! Какого такого нашего?! Может, он и ваш, но уж точно не наш! Его в издательстве никогда не видели, и он здесь раньше не был. И мы об этом заявили милиции! Я публично всех предупредила об увольнении, если фотографии появятся в Интернете. Вам что-то неясно?..

Начальник отдела моргал длинными, как будто накрашенными ресницами, и вид у него был до странности растерянный. Екатерине Петровне даже на секунду стало его жаль.

Ну что с него возьмешь?.. Нечего с него брать!.. Дурачок просто... как это говорится... попал под раздачу! Екатерина Петровна, как руководитель, отлично знала, что обещания следует держать, а угрозы выполнять неукоснительно. Чтобы все знали: обещали премию – дадут, угрожали уволить – уволят.

По-другому с людьми нельзя. Они по-другому не понимают.

– Екатерина Петровна, это же не я фотографии выложил! Ну, ей-богу, это даже странно!..

– Мне наплевать, кто именно их выложил, – отчеканила она. – Из-за них поднялся шум, того и гляди энтэвэшники нагрянут со своим расследованием! И я с руководством объясняться не желаю, кто там виноват. Вы отвечаете за программное обеспечение в издательстве. И за Интернет в том

числе. Вы допустили утечку, с вас и спрос.

– Не допускал я никакой утечки! – заорал начальник IT-отдела так, что Екатерина Петровна чуть-чуть струхнула. – Да эти фотки, скорее всего, кто-то с домашнего компьютера отправил! Нет ничего проще! Я же не отвечаю за домашние компьютеры!

– Вы отвечаете за программное обеспечение, – повторила Митрофанова, – и больше я ничего знать не желаю.

Начальник отдела замотал головой, и ей показалось, что он сейчас или расплчется, или затопает ногами, как оскорбленный малыш в песочнице.

– Я не занимаюсь фильтрами, вы что, не понимаете?! Как я могу контролировать, что и кто именно выкладывает в Интернет?!

Она поднялась, упершись кулаками в идеально ровную стопку бумаги на столе.

– Вот за это, – сказала она, как ему показалось, с удовольствием, – я вас и увольняю! За то, что вы ничего не способны контролировать! Вы свободны.

– Я на вас в суд подам, – выпалил бывший начальник, и голос у него дрогнул, – вы права не имеете.

– Подавайте, – разрешила она. – Лично я советую вам написать «по собственному желанию», впрочем, как хотите.

– Я... я... к Анне Иосифовне пойду!

Она пожала плечами.

Всем в издательстве было хорошо известно, что генераль-

ная директриса царствует, но не правит. Никаких серьезных решений она никогда не принимала и ни за что не отвечала. Единственным исключением стал невесть откуда взявшийся заместитель со странной фамилией и больными глазами, но с ним дело явно нечисто. Екатерина Петровна чувствовала подвох прямо-таки спинным мозгом.

Подвох и угрозу.

Минут через десять после того, как уволенный компьютерный начальник выкатился из ее кабинета, позвонил Стрешнев и спросил осторожно, не поторопилась ли она.

– До тебя уже добрался? – осведомилась Екатерина Петровна равнодушно. – Саш, обратно я его не возьму.

– Да он тут ни при чем совсем!

– Какая нам разница?! Самое главное, чтоб другим неповадно было. Особенно этим всем блогерам, «одноклассникам» и которые «вконтакте»! Спасения никакого нет от них.

Стрешнев помолчал.

– А работать кто будет? – осведомился он устало. – Мы завтра замену ему не найдем, а у нас специфика будь здоров! Он ведь за все внутренние программы отвечает, и за железо тоже! У тебя завтра компьютер накроется, кто его будет чинить?

– Руководитель отдела мне его никогда не чинил, а сотрудники все на месте останутся. – Она говорила, прижимая плечом трубку к уху, и просматривала только что присланный график. Судьба компьютерного начальника перестала ее ин-

тересовать, как только он выскочил за дверь. – Кроме того, у него заместитель есть, насколько я помню. Вот, значит, заместитель и будет замещать. А что там с отгрузками в Твери?..

– Катерин, погоди ты с отгрузками!..

– Мне некогда годить, – отчеканила она. – У меня производство, а не институт благородных девиц! И я не хочу, чтобы по издательству, а тем более по Интернету ходили всякие гадкие слухи. Погибший не наш, как он сюда попал, неизвестно, делом занимается милиция. Точка. Так что с отгрузками?..

Это означало – разговор окончен.

Стрешнев, на том конце телефонной линии выводивший на липучей желтой бумажке слово «сука», украсил его цветочком и с силой прилепил в самый центр монитора.

Сука и есть.

Еще неизвестно, кто тогда, в день убийства, Литовченко вызвал!.. Если Екатерина, значит, есть что-то такое, о чем он, Стрешнев, даже не догадывается, и это опасно.

Если она решилась позвонить владельцу, значит, положение дел в издательстве всерьез изменилось, и Стрешнев должен был об этом знать, а он не знал.

Опасно. Очень опасно.

И с новым заместителем ясности никакой. Он появился в издательстве один раз, в день убийства, и с тех пор о нем ни слуху ни духу, а прошло уже несколько дней.

Откуда он вообще взялся?..

Анна Иосифовна никого не принимала и, по слухам, недомогала в своем загородном доме – аристократка, что с нее возьмешь! – и никаких разъяснений насчет заместителя сделано не было.

Милиция покрутилась на месте преступления довольно вяло, между прочим!.. Личность убитого так и не установили, откуда он взялся, не разобрались, сняли какие-то показания и тоже как в воду канули!..

Немного поговорив с Екатериной про отгрузки, Стрешнев отодрал от монитора желтую бумажку с цветочком и словом «сука» – от греха подальше, донесут Митрофановой, хлопот не оберешься! – и задумчиво сжег ее в пепельнице.

Оба они пребывали в одинаковой должности – заместители генеральной директрисы, то есть недомогающей нынче Анны Иосифовны. Вот теперь и третий к ним добавился, тоже заместитель, интересно, где его откопали?

Восемнадцатый «первый вице-премьер», припомнилась ему какая-то давняя политическая шпилька, подпущенная журналистами в адрес слишком раздутого государственного аппарата.

Этот самый третий заместитель – кость в горле! До последнего времени их и было три, но Вадим Веселовский уволился, да еще не просто так, а со скандалом, который, правда, быстро замяли. Зачем опять понадобился третий заместитель, когда они вдвоем с Екатериной прекрасно руководили издательством все последнее время! И дело процвета-

ет, и совокупные тиражи растут, и авторы пишут, и книжные розничные сети счастливы – может, не все и не до конца, но счастливы же!..

Литовченко их работой всегда был доволен. Тогда зачем третий?.. И кто его назначил?! Директриса, которая никогда в жизни не принимала никаких решений?!

И что она имела в виду, когда прошептала над трупом трагически, как в кино: «Нас же предупреждали!»?.. О чем предупреждали?! Кого «нас»?! Ее и Литовченко?! Но это невозможно!

И сразу после этого она упала в обморок! В самый настоящий. Она не играла на публику и упала некрасиво, боком, прямо на руки охранника, юбка задралась почти неприлично. Упала от вида крови? От страха?..

Телефон деликатно пропиликал три раза, и секретарша тоже очень деликатно прошептала, что привезли «сигналы» – сигнальные экземпляры – за этот месяц. Может, Александр Николаевич распорядится послать за ними?

Александр Николаевич распорядился, напротив, никого не посылать и отправился сам. Сигнальные экземпляры привозили на пятый этаж, где царствовала – но не правила! – Анна Иосифовна. Ему было решительно нечего делать в кабинете директрисы, да еще в ее отсутствие, но он все-таки решил подняться – просто так.

Она занимала весь последний этаж, переделанный во дворец. Дворец венчал издательство, как кокошник голову рус-

ской красавицы. Умен, ох, умен Литовченко, придумавший себе такую вывеску! Иностранцы и чиновники всех мастей и сортов приходили в неописуемый восторг.

Здесь были картины, резные столики и полосатые чиппендейловские диваны. Здесь была курительная, обшитая английским дубом девятнадцатого века. Здесь был зал для приемов с наборным паркетом и громадной люстрой, низвергавшейся с потолка хрустальным водопадом. На Новый год под люстру, в самый центр паркетной розетки, ставили ель, которую везли издалека, из Тверской губернии, наряжали старинными немецкими игрушками и зажигали витые канделябры возле камина – чтобы все было по-настоящему.

Имелась также библиотека со стремянкой и уютными кожаными креслами. У стремянки были латунные колесики с ободками зеленого плюша – чтобы не скрипели и не портили пола! – а в креслах лежали уютные пледы и подушечки. И здесь на самом деле можно было читать и даже писать. Маня Поливанова, полоумная детективная авторша, дожидаясь приема у Анны Иосифовны, там и писала по-настоящему!.. Ей приносили кофе, огромную чашку, и запах, горячий, острый, подвинув запах книг, заполнял библиотеку, а Маня сидела, подняв на лоб очки, и строчила текст в своем ноутбуке. Время от времени ее специально приглашали «поработать в библиотеке» – когда приезжали важные партнеры или начальники из правительства и Министерства печати.

Маня послушно приезжала, усаживалась писать, требова-

ла кофе, ее демонстрировали публике, и все умилялись – надо же, какая необыкновенная обстановка в издательстве «Алфавит»! Созданы все, все условия для работы с авторами.

Созданы, разумеется, Анной Иосифовной.

Обстановку вокруг себя она и впрямь сотворила необыкновенную.

Все обожали и дворец с библиотеками и каминами, и ее самое, и так было заведено, что в издательстве она занимается только приятными делами. Сообщает авторам о повышении тиражей и, следовательно, гонораров, раздает награды – раздавать награды ее научили на семинарах в Швейцарии, которые она очень любила и не пропускала ни одного. Со времен вождя пролетарской революции все русские как-то особенно полюбили Швейцарию, именно как место для приятной и легкой работы, хоть революционной, хоть литературной, хоть какой! На обратной дороге утомленная семинарами директриса всегда заезжала на недельку в Виши или Баден-Баден отдохнуть и поднабраться сил. Там, среди Альпийских гор и лужаек, ей и объяснили, что командный дух нужно укреплять и людей поощрять, и Анна Иосифовна с удовольствием укрепляла и поощряла.

Устраивались детские утренники и выставки свадебных фотографий, организовывались пикники с шашлыками и коньяками или – по сезону – лыжные прогулки с самоварами и блинами. Для молодежи, которой в издательстве было пол-

но, отдельно – клубы, пиво, шары в боулинге покатать, на танцполе поскакать.

Анна Иосифовна ревностно и пристально следила, чтобы никто не был обижен и недоволен, чтобы ни один вновь родившийся младенец не остался без приданого и на Новый год все получили глупейшие конфетные наборы в пластмассовых или картонных елочках, а на Восьмое марта у каждой женщины на столе непременно появлялся букетик, и не каких-то там пошлых мимозок, а самых настоящих весенних первоцветов.

В первоцветах она отлично разбиралась.

В издательском деле не разбиралась вовсе.

Ей казалось, что все идет хорошо, потому что на Новый год елка, а на Первое мая маевка и Маня Поливанова пишет в библиотеке очередной роман. Она искренне в это верила, и никто ее не разубеждал.

Дверь в кабинет стояла настежь, и Стрешнев вошел, тихонько усмехаясь.

Здесь хорошо пахло и было очень тихо, словно в подводном царстве. Книжки, картины, изящные безделушки, свежие розы в узорчатой высокой вазе – всегда.

«Сигналы» лежали на огромном столе, который в издательстве называли «львиный» – из-за лап, на коих покоилась тяжеленная мощная крышка.

Стрешнев лениво перебрал их, отложил свои, думая о том, как восторженно Анна Иосифовна всегда копается в

книгах, и прижимает их к груди, и листает, и цитирует удачные пассажи, и качает головой, и на глаза у нее даже наворачиваются слезы умиления.

Старая карга сентиментальна и романтична, как тургеневская девушка!..

Он подошел к ее собственному столу, который, в отличие от «львиного», называли «бабкин». «Бабкин» стол был изящен и легок, девятнадцатый век, резьба по дереву, авторская работа, разумеется. Здесь тоже были безделушки, штучки, чернильные приборы – и никакого компьютера!.. Компьютеры генеральный директор первого издательства России решительно не признавала, считала пустой затеей и не знала, для чего они нужны.

Стрешнев подвигал безделушки, заглянул в чернильный прибор – чисто, ни пылинки! – зачем-то переложил журнал «Книжный бизнес», выпуск за октябрь, из-под которого вдруг разлетелись какие-то бумажки.

Он нагнул их поднять и замер.

«Условия не выполнены, – было набрано крупным компьютерным шрифтом. – Время упущено. Казнь состоится по расписанию».

Стрешнев перечитал еще и еще раз.

«Условия остаются прежними, – гласила надпись на другом листе. – Сообщите, если они приняты. Советую не упрямиться. Глупость будет караться смертью».

– Елки-палки, – пробормотал Стрешнев и заглянул под

стол. Там валялись еще листки, улетевшие довольно далеко, и он проворно полез за ними.

«Первая казнь состоится через неделю, – читал он под столом. – У вас есть еще время подумать. В серьезности наших намерений убедитесь послезавтра».

– Какая еще казнь?! Какие серьезные намерения?..

Он пополз за самым дальним листком, но на нем не было ничего, кроме одной буквы «С», напечатанной точно таким же шрифтом.

Стрешнев стал выбираться из-под стола на другую сторону и уткнулся носом в чьи-то ботинки.

Сердце сильно толкнулось в ребра.

– Вы кто?.. – негромко спросили сверху.

Екатерина Петровна попросила кофе, вытащила из пачки сигарету – решено было курить не больше десяти сигарет в день, и время от времени она разрешала себе маленький перерыв, как раз на сигарету, и только при распахнутом окне!

Курить в издательстве было строжайше запрещено, кроме «специально отведенных мест», очень неудобных, но Екатерина Петровна нарушала запрет, а Анна Иосифовна ей попустительствовала.

Кстати, следует позвонить директрисе, осведомиться о ее здоровье, настойчиво предлагать свою помощь в чем-нибудь таком, что непременно будет отвергнуто. А вечером, когда все разойдутся, нужно попробовать вызвать на разговор

Сашу Стрешнева и попытаться выведать у него, что он знает про убийство. В конце концов, она так и не поняла, откуда тогда там появился Литовченко!

Если ему позвонил Стрешнев, значит...

Что это может значить?..

Екатерина Петровна встала, подошла к окну, закурила и посмотрела вниз.

Ничего хорошего это ей не сулит. Скорее всего, Стрешнев обошел ее на каком-то повороте, а она проглядела, упустила, не поняла.

Ее любимым детективным автором всегда был Дик Фрэнсис, и она отлично знала – именно от Дика, – как важно не пропустить вперед другую лошадь. Может быть, ее и удастся догнать, но обойти уже вряд ли. Если она пропустила вперед Стрешнева, значит, ей вряд ли удастся обойти его на повороте.

А так не должно было случиться.

Он опасен, и она хорошо это знает.

Их партнерство закончится там, где начнется конкуренция, а Екатерина Петровна пока не понимала, началась ли она уже.

Дождь все шел.

В Питер бы полететь – там сейчас холодно, ветрено, серо, Нева взбаламученная, ошетиненная, как старая волчица, и ветер с Финского залива треплет ее седую шкуру.

Пассаж получился в духе писательницы Мани Поливано-

вой, и Екатерина Петровна усмехнулась. Кстати, Маня вполне подходящий предлог для командировки, у нее там вот-вот презентация!.. Конечно, заместители генерального на авторских презентациях никогда не присутствуют, но для Митрофановой Анна Иосифовна всегда делает исключение. Знает, как она любит Питер, ну, и Поливанову, конечно.

В издательствах всегда от души любят авторов, которые дают хорошую прибыль.

Впрочем, сейчас не время для командировок, несмотря на то что в Питер очень хочется. Сейчас бы попытаться разобраться, что происходит в издательстве.

Как ни странно, убийство мало беспокоило Екатерину Петровну. Она была совершенно уверена, что это какая-то дикая случайность, со временем все выяснится и станет понятно, что к ним – то есть к издательству «Алфавит» – эта случайность никакого отношения не имеет.

Ну, например, повздорили два рабочих – оба из Киргизии и оба наркоманы. И эти наркоманы из Киргизии, собственно, в издательстве никогда не работали, и нанимали их посторонние организации, которые моют полы и окна. Вот они и повздорили, и один ударил другого ножом. Насмерть.

Или так. Этот тип – рабочий из Таджикистана, естественно, наркоман – страдал падучей, а в заднем кармане у него был нож. В Таджикистане так принято, там у всех ножи. Он пришел проверять оборудование, тут с ним случился приступ, и он... напоролся на нож. Такие случаи известны, взять

хотя бы царевича Дмитрия.

Ну, что-то в этом духе.

А вот почему была так взволнована Анна Иосифовна, по чьему вызову примчался Литовченко, кто такой этот третий заместитель и какого черта ему нужно в «Алфавите» – все непонятно.

Екатерина Петровна посмотрела по всем базам данных – не было человека по фамилии Шан-Гирей в издательском бизнесе, никогда не было! И в смежных направлениях он тоже не обнаружился – ни на телевидении, ни в рекламе, ни в прессе. С такой фамилией никуда не скроешься, а она нигде и ни у кого не упоминалась. Вряд ли он работал где-то под другой фамилией, он же не писательница Поливанова Маня, которая творила под псевдонимом Марина Покровская!..

Сигарета кончилась, и Екатерина Петровна грустно потушила в пепельнице окурок – никакого удовольствия не получилось, и перерыва тоже, все только мысли, и мысли скользкие, дрожащие, как капли на окне.

Когда позвонила Настя, секретарша с пятого этажа, Митрофанова уже плотно устроилась в кресле, подперла подбородок кулачком и погрузилась в очередную порцию сводок, которые непременно нужно охватить до сегодняшнего совещания.

Настя перепуганным, даже каким-то придушенным голосом попросила Екатерину Петровну подняться к ним и тут же бросила трубку.

Митрофанова ничего не поняла. Она вдруг перепугалась так, что у нее похолодело в груди, за отворотом плотного синего пиджака. Кажется, именно за этим отворотом полагается быть сердцу, Митрофанова точно не знала.

– Что там могло случиться?.. – зачем-то вслух спросила она сама у себя, суетливо покопалась на столе, выкопала мобильный телефон и еще какие-то графики – как будто ее приглашали с данными о продажах последней книги Покровской! – и выскочила в коридор.

Ничего не происходило. Все как всегда – пахнет кофе и особым запахом громадных копировальных машин, на которых распечатывали макеты, и еще немного сигаретным дымом. Кто-то, кроме нее, у них пошаливает, несмотря на строжайший запрет Анны Иосифовны! Блогерша Олечка, попавшая навстречу, едва кивнула – понятно, она оскорблена из-за уволенного айтишного начальника. Редакторша из отдела фантастики пробежала было мимо, но вернулась с каким-то вопросом. Екатерина Петровна не стала ее слушать.

– Потом, все потом!..

Лифта, как назло, не было очень долго, и она ринулась пешком, на ходу похвалив себя за то, что никогда не носит легкомысленные каблочки, а всегда только устойчивые, прямоугольные и ни в коем случае не высокие, а «средние».

Она ненавидела «средние» каблуки и всю жизнь носила только такие.

Задышавшись, она ворвалась на пятый этаж.

– Настя, что у вас случилось?!

– Александр Николаевич просил вас подняться. Он... он в кабинете. – Секретарша выглядела испуганной. – Только он там... не один.

– С кем? – Митрофанова перевела дух, обрела привычный голос. – Анна Иосифовна приехала?

И приостановилась. Сердце за левым отворотом пиджака опять похолодело. Если так, дело плохо. Если начальница приехала и вызвала Стрешнева, а она об этом даже ничего не знает, значит, борьба уже идет полным ходом и его лошадь обошла ее на полкорпуса!..

А если там Литовченко?..

– Никто не приезжал, – пропищала Настя.

Ничего не понимая, Екатерина Петровна распахнула одну створку резной кабинетной двери, вошла, печатая шаг, как солдат на параде, и замерла.

По кабинету метался Стрешнев.

В директорском кресле сидел внезапно появившийся третьего дня и так же внезапно исчезнувший впоследствии новый заместитель и водил носом по каким-то бумагам.

Теперь он материализовался почему-то на директорском месте. Екатерина Петровна судорожно сглотнула.

– Что здесь происходит?!

Стрешнев отчетливо зафыркал. Шан-Гирей поднял глаза.

– Здравствуйте, – сказал он, помедлив.

Митрофанова кивнула молча, и он опять уткнулся в бу-

маги.

– Саша, что происходит?!

– Вы знали об этом?..

Шан-Гирей протягивал ей какой-то листок. Она взглянула, не приближаясь, и повернулась к Стрешневу. Она вообще вела себя так, как будто никакого третьего не было в кабинете.

Этот третий, которого как бы и не было, помедлил, выбрался из-за стола и двинулся к ней, слегка прихрамывая и держа листок в вытянутой руке. Третьего дня он не хромал, насколько она помнила.

– Саш, ты можешь мне что-нибудь объяснить?..

– Почитай, – буркнул Стрешнев. – Почитай, интересно.

Митрофанова брезгливо взяла листок двумя пальцами, повернула к себе и прочитала не слишком длинную фразу. Лицо у нее изменилось, и она прочитала еще раз, на этот раз шевеля губами.

Алекс внимательно смотрел на нее.

– Что это такое? – спросила Екатерина Петровна и бросила листок на «бабкин» стол. – Где вы это взяли?!

– Это я взял, – сказал Стрешнев из-за ее плеча. Она оглянулась. – Да-да, точно тебе говорю!.. Я пришел за «сигналами», потом решил журнал посмотреть, он вот тут лежал, на краешке, – он показал, где именно лежал журнал, – а под ним были вот эти бумажки. Нет, ну это дикость какая-то!..

– Так, – сказала Митрофанова мертвым голосом и боком

села за другой стол, «львиный». – Это все? Или еще что-нибудь есть?..

Стрешнев хмуро кивнул на нового сотрудника. Тот подал еще два листочка. Митрофанова прочитала и эти два.

– Что за казнь?.. Что за предупреждения?.. Какие намерения?! Что значит – «казнь через неделю»?!. О чем вообще речь?!

Стрешнев пожал плечами. Он все ходил вдоль стены, не вынимая рук из карманов. Ему не хотелось, чтобы Митрофанова узнала, как он сидел под столом, а этот хромоногий и бледнолицый выскочка спрашивал у него: «Вы кто?!»

Митрофанова на него оглянулась и перевела взгляд на Шан-Гирея.

– Так, – повторила она на этот раз голосом гранитным. – А вы-то тут как оказались?

– Я... просто зашел.

– Вы вот так просто взяли и зашли в кабинет генерального директора?! Что за ерунда?! Даже я себе никогда этого не позволяю!..

Шан-Гирей вяло пожал плечами, и Екатерина Петровна моментально поняла, что сделала ошибку. Стрешнев остановился у нее за спиной и, кажется, даже рукой махнул с досады.

Нельзя, нельзя так резко! У них нет никакой информации, кем *на самом деле* является этот новый заместитель! Все слишком сложно и непонятно, и поставить его на место в

данный момент невозможно хотя бы потому, что ни Стрешнев, ни она сама так и не понимают, что это за место.

– Так, – Екатерина Петровна сцепила руки в замок и положила прямо перед собой. Ей нужно было собраться с силами. – Хорошо. Вы думаете, это какие-то... реальные угрозы?..

Шан-Гирей опять помолчал. Он вообще никогда не отвечал сразу, она заметила.

– Я не знаю. Я просто читаю то, что написано. А написано... да, угроза.

– А я думаю, – начала Митрофанова упрямо и глянула на подметные листки, – что это никакая не угроза, а просто глупость. Или дурацкая шутка.

– Так бывает только в романах. Плохих. – Шан-Гирей вернулся за «бабкин» стол. Как на свое место вернулся! – Там всегда предупреждают о готовящемся преступлении, а полиция считает, что это просто глупость. Или дурацкая шутка.

– Да нет, если бы Анну Иосифовну это беспокоило, я бы знала!.. Мы бы знали, – поправились она тут же.

– Не факт, – отозвался Стрешнев, и она оглянулась и посмотрела ему в глаза. Тот чуть заметно покачал головой.

Мы с тобой все обсудим, но потом, вот что означало это его движение. Ты и так ведешь себя крайне неосторожно.

– Есть только один выход, – третий заместитель пожал плечами. Он вообще то и дело пожимал плечами, Митрофанова и это заметила. – Спросить у нее самой.

– А вы что? Из милиции, чтобы вопросы задавать?! – не выдержал Стрешнев. – Сокол с места, ворона на место? Вы у нас теперь... главный по расследованиям?

При упоминании вороны с соколом Алекс поглядел на Стрешнева с изумлением, даже как будто испуганно.

Стрешнев же на него не смотрел, а обменивался знаками с Митрофановой.

– Я еще хочу задать вопрос вам. Про камеры, – неожиданно сказал Шан-Гирей, и они оба уставились на него. – В том коридоре камер, конечно, никаких нет. А где они есть?..

– Камеры? – быстро переспросила Митрофанова. – Какие камеры?.. В каком коридоре?..

– Видеонаблюдения. Там, где убили человека, камер нет, это ясно. А где они есть?

– Господи-и-и, – выдохнула Екатерина Петровна, – что за вопросы?! Ну на входе есть, у лифтов, возле копировальных машин обязательно.

– На лестницах еще, – подхватил Стрешнев.

– Но это надо у начальника службы безопасности узнать! Он лучше знает.

– А убийца?.. – помолчав, спросил Шан-Гирей и посмотрел по очереди на каждого. – Он тоже у начальника службы безопасности спросил, где именно есть камеры, а где нет?..

– Ка... какой убийца?

– Тот, который несколько дней назад убил здесь человека.

– Это убийство, – выговорила Митрофанова по-ефрей-

торски, – не имеет к нашему издательству никакого отношения. Это несчастный случай. Или трагическое недоразумение. Вы поняли?..

Алекс вдруг всерьез разозлился. Он терпеть не мог подобный тон – дурацкого, упрямого, тупого всезнайства. Он не верил людям, которые осведомлены обо всем лучше всех на свете. Он точно знал, что на любой вопрос существует десять ответов, и все они так или иначе правдивы, и у любой медали не две, а по крайней мере восемь сторон.

Можно сколько угодно представлять себе жизнь плоской, крохотной и пустяковой, как пятикопеечная монета, – ровно до той поры, пока не выяснится, что она глубока и безгранична, как озеро Байкал. Только выясняется это, как правило, когда уже поздно бывает спастись!

– Убийство не имеет отношения к издательству, – он облизал губы, которые высохли от злости, – эти записки не имеют отношения к Анне Иосифовне. Но тем не менее человека убили, а записки лежат у нее на столе!..

– Хотел бы я знать, как они к ней попали, – сказал Стрешнев задумчиво. – Распечатать их она не могла никак – она на компьютере не работает и не работала никогда! Значит, кто-то принес.

– Может, по почте прислали? – втягиваясь в дурацкое расследование, спросила Митрофанова. – В конверте?

– Нет. – Шан-Гирей кивнул на листки. – Они не помяты, и их не складывали. Точно не по почте. И секретарша вряд

ли...

– Да уж! Если бы Настя принесла, все издательство было бы в курсе.

Где-то приглушенно, как будто из-под пола, зазвонил телефон, и Алекс, кряхтя, полез под «бабкин» стол. Долго шарил в сумке, а потом по карманам куртки. Все это – и куртка, и сумка – было брошено на полу рядом с креслом, в котором он сидел.

Стрешнев, показав глазами на его согнутую спину, покрутил у виска пальцем.

Митрофанова покивала, соглашаясь, но не слишком уверенно. В данный момент ей решительно не казалось, что новый заместитель ненормальный.

Он вел какую-то сложную игру, и им еще предстоит разгадать, какую именно.

– Да, – послышался голос из-под стола. – Привет. Мне сейчас не очень удобно говорить. Я тебе перезвоню.

Он выбрался, неловко запихнул телефон в передний карман джинсов – они смотрели на него, как ему показалось, с ненавистью, – вздохнул и сказал:

– Я пришел сюда, потому что Анна Иосифовна попросила меня зайти к ней сразу же, как только я окажусь в издательстве. Так получилось, что я появился здесь лишь сегодня. Я не знал, что ее нет. Поверьте, я не лазутчик.

– Тогда кто вы? – быстро спросила Митрофанова, и у нее загорелись щеки.

Он вдруг понял, что ефрейторша гораздо моложе, чем показалось ему на первый взгляд. Лет тридцати, может. И щеки у нее загорелись, как у нормальной молодой взволнованной женщины.

Странная история. Разве ефрейторша может быть молодой и взволнованной?

– А вы уверены, что Анна Иосифовна не пользуется компьютером?.. – спросил он, обращаясь к этой женщине.

И ответила ему она же, никак не ефрейторша:

– Абсолютно точно не пользуется! Все издательство об этом знает! Она всегда говорит, что у нее от монитора голова раскалывается и глаза слезятся. Мы все документы ей только на бумаге показываем.

– Ну да, – согласился Шан-Гирей, помолчав по своему обыкновению. – Однако компьютерная розетка у нее под столом есть. И сетевая тоже.

Митрофанова выпрямилась и воззрилась изумленно, и Стрешнев тоже посмотрел с интересом.

Алекс, у которого болели все мышцы, даже под волосами болело, кое-как вытащил себя из-за стола, с трудом нагнулся и стал собирать свои пожитки.

Было еще кое-что, о чем он не стал им говорить.

Когда загадочные листы разлетелись из рук Стрешнева – Алекс отлично видел это из-за книжного шкафа, – их было четыре. А сейчас на столе лежало только три.

Проклятый телефон зазвонил, когда Алекс выбирался из маршрутки. Выбраться и так было нелегко, от усилий и неотпускающей боли он даже взмок немного – а тут как назло!..

Он нашарил было аппарат, но сделал неловкое движение, от которого бок словно проткнуло горячим и острым. Телефон полетел в лужу, и из маршрутки закричали:

– Эй парень!.. Стой, стой!.. Зонт забыл!

Пока он соображал, какой-то дедуся, нагнувшись и наполовину высунувшись из маршруткиного нутра, ткнул его зонтом все в тот же бок, весьма ощутимо.

– Налижутся с утра пораньше, на ногах не стоят!.. Тунеядцы проклятые!.. И палку какую специальную завел, чтоб людям мешаться!.. Забирай, ну!..

Алекс перехватил длинную, тяжелую клетчатую трость, купленную когда-то в Лондоне. Зонт любимый, и потерять его было бы жалко.

– Извините, пожалуйста, – пробормотал Алекс.

Дедуся возмущенно фыркнул, изо всех сил бабахнул дверью перед самым его носом, маршрутка, зарывав натужно, заскакала по колдобинам, и Алекс остался один на пустой дороге.

Проводив маршрутку глазами, с трудом нагнулся и подобрал телефон. Тот был мокрый, в песке и, естественно, не работал.

Даша всегда говорила, что он не умеет обращаться с вещами, не ценит и не любит их. Еще она говорила, что людей

он тоже не любит, не ценит и не умеет с ними общаться, и он знал совершенно точно, что это правда.

...Теперь куда? Направо или налево?.. Налево или направо?

На той стороне шоссе стояли какие-то указатели, но отсюда Алекс никак не мог разглядеть, что именно на них указано, и потащился через дорогу – посмотреть.

Так. Деревня Юрьево налево, три километра. Деревня Козлово направо, и всего полтора. Куда лучше податься – в Юрьево или в Козлово?.. Должно быть, в Козлово лучше. Ближе.

Он вдруг захохотал, закинув голову к низкому небу, – один на пустой осенней дороге. Вечная история. Он везде забывал записные книжки, никогда не помнил адресов, проезжал свою остановку и путал имена.

И позвонить никак невозможно, телефон-то не работает!.. Его должны были встречать, Анна Иосифовна проворковала в трубку, что распорядится на этот счет: «Вы ни о чем, ни о чем не волнуйтесь, Алекс!» Он поблагодарил ее и уверил, что не стоит, но она настояла. Все это было прекрасно и очень любезно, но никаких встречающих на пустой дороге не оказалось, а он, едва договорив с ней, тут же забыл, куда ему нужно – все же в Юрьево или в Козлово!..

Он вернулся на остановку, посмотрел на лес – темный, непрозрачный, густой, такой бесповоротно осенний, – сунул замерзший нос в поднятый воротник куртки и пристроил-

ся на влажную, холодную лавочку внутри обшарпанной автобусной остановки.

Сейчас я посижу немного, соберусь с мыслями, заодно, может, вспомню: Юрьево или Козлово, и пойду потихоньку, а там как-нибудь разберусь. А что еще делать?..

Болело в голове и в боку, и Алекс рассеянно потрогал место под волосами, которое ныло.

В последний раз его били в армии, изощренно, с удовольствием, с огоньком даже, а он тогда был миролюбив, как щенок, – глупый, домашний мальчишка, уверенный, что окружающий мир не может быть жесток и несправедлив к нему. К нему, которого так любят родители, и бабушка, и брат, и друг Димка, и девочка Маша, и собака Джек!.. От этой уверенности он был ни к чему не готов – и поплатился.

Как он потом ненавидел себя за... неготовность, доверчивость, идиотскую веру в то, что все люди на свете «нормальные»! Может, кто-то лучше, кто-то хуже, но все равно ведь «нормальные»!

И *тех* ненавидел тоже.

Ненавидел, мечтал отомстить, строил планы этой самой мести – наивные, детские, уж точно невыполнимые, сладко придумывал, что выхватит из-за пояса меч-кладенец и снесет головы подонкам и ублюдкам, пинавшим его сапогами!..

Только никакого меча не было на поясе, а подонки и ублюдки оказались сильнее.

С тех пор прошло двадцать лет, и он снова оказался не

готов!..

Кровь ударила в голову так тяжело и сильно, что стало больно в ушах, он стремительно поднялся с лавочки и пошел непонятно куда. В глазах плыло и дрожало – от ненависти. Не той детской, мальчишечьей, выползшей из сознания, как старый удав, а от настоящей, взрослой, требующей немедленного утоления, похожей на молодую кобру.

Он знал, что утолить ее будет непросто.

Его снова били, а он ползал на коленях по детской площадке. Его били, а он только закрывал руками голову, почти теряя сознание от боли. Его били, а он даже не мог сопротивляться, потому что *был не готов* – опять, опять, как двадцать лет назад!..

Алекс распахнул куртку, ему стало невыносимо жарко, только руки были ледяными – от ненависти.

Он найдет и уничтожит того, кто так его унизил. Найдет, чего бы это ему ни стоило, и тогда еще посмотрим, удастся ли змеям, впившимся ядовитыми зубами в сознание, сожрать его до конца! Правда, он сам не знал, много ли в нем осталось... человеческого и сколько останется к тому времени, когда борьба будет окончена.

Может, и бороться не имеет смысла?..

– Здрасти, – сказали за его спиной, и он повернулся резко, всем корпусом, сжимая ледяной рукой свой тяжеленный зонт. – Меня Анна Иосифовна прислала. За вами, что ли?..

Машина стояла очень близко, а он и не слышал, как она

подъехала, – должно быть, от звона в ушах!..

– Садитесь.

Алекс постоял, прогоняя ненависть – и старого тяжелого удава, и молодую стремительную кобру, – и забрался внутрь.

– Чего ж вы с остановки-то ушли? Анна Иосифовна сказала, что вы на остановке будете!

– Ну да, – согласился Алекс, глядя в окно.

Водитель покосился на него и покрутил головой – странный какой-то парень, не то больной, не то просто не в себе. Впрочем, хозяйка привечала всяких, еще и не такие приежжали! Она уважительно говорила о них, что – писатели, художники, но водитель, тертый калач, был уверен: все эти художники от слова «худо». А уж писателей нынче развелось столько, что вот кинь камень в собаку, а попадешь в писателя, и все они попросту морочат хозяйке голову. На жалость быют, а она легковверная очень, тоже малость не от мира сего!.. Нет, добрая, конечно, душевная, грех жаловаться, но юродивая маленько. Вот почему оно так в жизни, а?.. Сплошная несправедливость! Такие бы деньжищи ему, а не полоумной бабке! Уж он бы знал, как с ними управиться!.. Писателей с художниками всех поразогнать, нахлебников этих, особняк в деревне продать к чертовой матери, завести автомойку и кафешку с музыкой – вроде бизнес, – купить квартиру в Сочи и зажить по-человечески. Ан нет!.. Бабке все, а ему, молодому, здоровому, предприимчивому, ничего, знай баранку крути. Вот почему так выходит, а?..

Машина миновала лес, перелетела по мосту речку и въехала в аккуратный поселочек, очень веселый. Домики все были справные, ухоженные, заборы целые, не завалившиеся, кое-где в палисадниках еще цвели поздние хризантемы.

— А это Юрьево или Козлово? — вдруг спросил пассажир, глядя в окно.

Водитель опять фыркнул — довольно громко, чтоб тот уж точно фыркание услышал.

— Козлово в другой стороне, — и он махнул рукой, показывая, в какой именно. — А до Юрьева не доехали еще!

Художник или писатель, что ли, на него даже не взглянул, все продолжал в окно таращиться, вроде там чего интересное было!..

Анна Иосифовна жила далеко от дороги, и какое-то время машина катила по сельским улочкам, тихим, пустынным, по-осеннему умиротворенным. Здесь, в глубине, дома были богаче, заборы выше, ворота тяжелее.

Ворота, в которые въехала машина, оказались еще и в некотором роде произведением искусства, со шпилями, башенками, пиками и литыми розами. За ними простирался пожелтевший газон, а за газоном шли аккуратно подстриженные кусты, и крыша беседки угадывалась между соснами, и вдалеке на чистой веселой плитке под чугунным фонариком стояла онегинская скамья.

Ай да Анна Иосифовна!..

Сама хозяйка ожидала его на крылечке, придерживала на

груди белый пуховый платок, самоцветные перстни благородно играли и переливались на ухоженной, совсем не старческой руке, облитой жидким лучом осеннего солнца.

Алекс вздохнул. Картинка была хорошо продуманной и очень красивой.

– Здравствуйте, Анна Иосифовна!

Он взбежал на крыльцо и галантно приложился к ручке. Гусарствовать в полной мере не позволял ноющий бок, но он старался изо всех сил.

– Алекс, душа моя, что это у вас телефон выключен?.. Я беспокоилась! И вы бледны? Или мне показалось?..

– Показалось, Анна Иосифовна. – Твердо глядя ей в глаза, он улыбнулся, и она моментально поняла, что расспрашивать не стоит.

– Я заждаюсь совсем! Коля вас сразу нашел?..

– Спасибо за заботу, Анна Иосифовна, все отлично.

– Пойдемте в дом, на улице сегодня совсем холодно. – Она обвела любовным взором сад. – А какое жаркое было лето! И осень, слава богу, настоящая, как у Бунина. Я, грешным делом, люблю все настоящее. Подделок не терплю.

Это Алекс уже давно понял. Главного пока не понимал: сама хозяйка – настоящая или подделка?..

В доме пахло полиролью и свежим хлебом. Солнце плескалось в натертых до блеска квадратиках паркета. В круглой вазе посередине стола сияли лохматые разноцветные астры.

А где ж камин?.. Камин непременно с мраморной полкой,

установленной штучками и фигурками? И рядышком кресло-качалка с уютным пледом, чтобы особенно приятно читалось и легко думалось?..

Вместо камина была самая настоящая печь, занимавшая весь простенок. Алекс подошел и стал рассматривать голландские изразцы с изображениями парусных лодок, шкиперов в зюйдвестках и рыбаков с сетями.

– Нравится, Алекс?..

– Очень! – Он обернулся, глаза у него блестели. – Очень!

– Вот и славно. Вам чаю или лучше кофейку?..

– А?.. – Он осторожно трогал плитки, как будто боялся, что они рассыплются. Плитки были теплыми, нагретыми солнечными лучами. – Мне... чаю, наверное.

– Или все же кофе? – И хозяйка рассмеялась уютным довольным смехом.

Ей нравилось, что этот странный человек рассматривает ее покои с таким искренним восхищением. Все люди для нее делились на тех, кто «понимает», и тех, кто «не понимает». «Непонимающие» изгонялись из ее жизни раз и навсегда.

«Я слишком стара, – говорила в таких случаях Анна Иосифовна, – чтобы тратить остаток дней на разных болванов!»

Александр Шан-Гирей, кажется, как раз «понимал» и явно был не болваном.

– Алекс?..

– Да-да. Сию минуту, Анна Иосифовна.

Ему как будто жаль было расставаться со шкиперами, мо-

ряками и Северным морем, где холодный ветер надувал тугие паруса. У его бабушки Лели когда-то была книжка со старинными гравюрами, на которых как раз изображались бриги и клиперы и холодный ветер точно так же надувал их черно-белые паруса!.. Куда-то она подевалась после того, как бабушка умерла, и Алекс никогда ее больше не видел.

Он постоял еще немного, провел кончиками пальцев по теплым изразцам, повернулся и замер.

Хозяйка смотрела на него внимательно и настороженно, исподлобья, и в ее лице, вдруг потерявшем моложавую свежесть, Алекс увидел ненависть и страх.

...Она что-то скрывает. Или кого-то боится. Меня?.. Что она может знать обо мне?..

В конце концов проклятая коробка все-таки грохнулась! Сразу было понятно, что она грохнется – стояла неустойчиво и как-то боком, а он все швырял и швырял в нее разные предметы, словно в помойку!

– Володя! – жалобно вскрикнула Жанна, самая молодая и впечатлительная сотрудница его отдела, и ринулась подбирать.

– Что?! – рявкнул он, и она попятилась, испугавшись.

– Упало же...

– Я вижу.

Он дернул с пола коробку. Оставшееся в ней барахло жалобно звякнуло, и, зарывав, он вывалил все на пол, в общую

кучу, и впрямь выглядевшую непристойно и жалко, как мусорная.

...Это все, что ты нажил на своей хреновой работе?! Вот эта самая куча мусора и больше ничего?!

– Володька, не бузи, – с осторожным добродушием посоветовал заместитель из-за своего компьютера. – Сделанного не воротишь. Может, оно и к лучшему, что ты уходишь...

– Я не уйду, – процедил сквозь зубы Владимир Береговой, бывший до недавнего времени начальником IT-отдела. – Меня увольняют.

...Вот именно! Вот именно, что увольняют! И отдел теперь не твой, и заместитель не твой, и эта самая... как ее... Жанна вовсе не твоя сотрудница!

А сделанного, ясный хобот, не воротишь!

Жанна ползала по светлому ковролину, собирала раскатившиеся ручки, разлетевшиеся листки, мятые файловые папки, флэшки без колпачков, тубик термопасты, древнюю дискету с горячо любимой игрой «Warcraft-1», выпущенной, кажется, в 96-м году, и прочую ерунду.

Береговой сверху смотрел на бедняжку Жанну, которая изо всех сил старалась как-то ему помочь, и отчаянно ее ненавидел. Светлые волосы, цепочку позвонков, выступивших под свитером, и даже попку сердечком – все, все!.. Впрочем, ненавидел он не только Жанну с ее попкой! Он ненавидел свой отдел, сотрудников, всех до единого, и начальников – отдельной, яростной, острой ненавистью, от ко-

торой темнело в глазах и дышать становилось трудно.

Никогда с ним такого не было!..

– Володь, ты профессионал, – вновь подал голос его бывший заместитель, и этот голос показался Береговому лживым – от ненависти. – Ты ж понимаешь, что у тебя все будет хорошо. Ты сейчас в себя придешь, оглядишься, отдышишься и найдешь работу еще даже лучше, чем в нашем болоте.

– Замолчи, – тихо велел Береговой.

– Чего?..

– Я сказал, заткнись.

– Да ладно тебе психовать, Володька!.. Я ж говорю, что все у тебя...

– У меня? – переспросил уволенный начальник таким голосом, что Жанна проворно, как ошпаренная кошка, подалась от него под стол. – У меня мать второй месяц в больнице! Обширный инфаркт у нее. И если денег не платить, они ее в один момент в общую палату переведут, а там шесть человек! Шесть лежачих бабок, которые под себя ходят! Ты это понимаешь или нет?! И мне некогда оглядываться и в себя приходить, мне за мать платить нужно! И за квартиру тоже! У меня же кредит, черт бы побрал его совсем! Где и чего я сейчас буду искать?! Мне нужно завтра же на работу, ты понял?! Завтра же! А где я ее возьму до завтра, работу?!

И тут он грохнул кулаком по клавиатуре так, что та пластмассово икнула и треснула пополам, и Жанна, таращившаяся из-под стола, зажала уши руками, заместитель отшатнул-

ся в кресле и чуть не упал, а из-за тонкой перегородки закричали:

– Эй, чего у вас там?! Война началась?!

– Да! – заорал Береговой. – Война, блин! Воздушная тревога!

И все смолкло.

– Из-за какой-то суки недотраханной, – выговорил он, странно кривя губы, – из-за дряни последней, чтоб ей сдохнуть!..

– Пойду я покурю, – решил благоразумный заместитель и боком выбрался из кресла. – Где-то тут мои сигареты были?..

– Владимир, а это? – тонким голосом спросила Жанна. – Это ваше?..

Береговой мрачно глянул под стол.

Она протягивала ему носки, немного поношенные, но чистые, которые он всегда держал в ящике, на всякий случай. Мало ли, ноги промочит или дырка какая-нибудь неподвиженная образуется!

Щеки у бывшего начальника моментально порозовели, потом розовый цвет перетек в ярко-алый, и на шее взбухли жилы, толстые и перевитые, как веревки.

– Ой, – тихо сказала Жанна.

– Дайте сюда!

Со всего размаху он швырнул носки в коробку, туда же полетели две половинки клавиатуры, толстая зачитанная книга и прочая ерунда, собранная с пола Жанной.

Ну вот, собственно, и все.

Все?! Теперь уж совсем все?!

– Владимир, я хотела вам сказать, – начала Жанна, старательно не глядя на него, но он не мог и не хотел ее слушать.

– Все! – вслух повторил он то, что вертелось у него в голове. – Все, дорогая Жанна! До новых встреч!

– Нет, просто очень жалко, что вы уходите, потому что с вами так приятно работать и вы так хорошо...

– Я хорошо! – подтвердил Владимир Береговой и подхватил свою коробку. – Я просто отлично!

Жанна побежала и распахнула дверь – видимо, чтобы ему проще было уходить с работы, где он провел последние три года своей жизни, создав отдел из ничего, из воздуха, где ему было интересно и трудно, и казалось, что он нужен и без него не обойдутся.

Ошибался, должно быть. Обойдутся, раз уволили в пять минут, долго не мучили!..

Выйти он не успел. На пороге возникла Леночка или Олечка из бухгалтерии, Береговой почти уперся в нее своей коробкой.

– Ты что, переезжаешь, Володечка? – живо поинтересовалась Леночка или Олечка. Она жевала морковку, держа ее почему-то двумя пальцами, как сигарету. – А куда? Ты же вроде только что перегородку поставил!

Из-за этой самой перегородки выглянул кто-то из его сотрудников – то есть бывших, уже не его! – окинул взглядом

мизансцену и скрылся.

– Что нужно?

– Или тебя повысили?

– Меня уволили.

Леночка или Олечка приснула со смеху и махнула на него морковкой.

– Да ладно!

Береговой плюхнул свою коробку на ближайший стол. В коробке жалобно всхлипнуло.

– Что нужно-то?..

Леночка или Олечка перестала хрупать, и лицо ее отобразило тревогу.

– Нет, правда, что ли?..

Жанна, на которую та посмотрела, горестно закивала. Леночка или Олечка сглотнула и округлила глаза.

– Володечка, как же это?.. А почему мы не знаем?.. Нет, а как же мы теперь будем, если ты...

Береговой молчал, на шее опять надулись страшные перевитые жилы.

– А я... я вообще-то за чайником, Володь, – разглядывая его, сказала Леночка или Олечка. – Ты... починил?

Береговой прошел к стеллажу и распахнул створки.

– Который ваш?

На полке помещались три электрических чайника и одна микроволновка.

– Вот этот, синенький!

– Забирай.

– А ты починил, да? – не ко времени возрадовалась Леночка или Олечка. – Вот спасибо тебе большое! А то мы все к соседям за кипятком ходим, побираемся! И сухомятка эта надоела, даже супчику не заварить! Ты молодец, Володечка!

Она сунула в рот морковку, подхватила чайник и уже почти выпорхнула из отдела, но вдруг остановилась, видимо вспомнив.

– Нет, ты правда... того?

– Правда.

– А... куда ты теперь?

– За кудыкину гору! – рявкнул совершенно изнемогший от горя Береговой и подхватил свою коробку. – Давай. Пока.

Леночка или Олечка с чайником в объятиях выкатилась в коридор, а уволенный подумал немного, плюхнул коробку обратно и взялся за телефон. Жанна смотрела встревоженно.

– МарьПетровна, – скороговоркой выпалил он в трубку, – здрасти, это Володя Береговой. Так получилось, что я... В общем, меня не будет, так что вы печку заберите. Нет, почему, работает. Я сделал. И Татьяне Евгеньевне из кадров скажите, чтоб за чайником зашла, ладно?... Да нет, все в порядке. Не за что, МарьПетровна. До свидания.

Привычным движением он сунул было трубку в задний карман джинсов, но спохватился и аккуратно вернул ее на аппарат.

– Материальные ценности раздайте владельцам, – велел

он Жанне и опять взялся за коробку. — Микроволновка из первой редакции, чайник один из кадров, а второй я забыл откуда. Вроде Настя приносила, секретарша Анны Иосифовны. Я все починил.

— А... зачем вы их чините? — осторожно поинтересовалась Жанна.

— Они ломаются, вот я и чиню, — объяснил Береговой. — Просто никто толком не знает, чем на самом деле занимается IT-отдел! Я три года объяснял, но никто до конца не понял. Все думают, что раз мы разбираемся в компьютерах, значит, в чайниках уж точно разберемся. И несут. А мне проще два контакта перепаять, чем объяснения объяснять, от царя Гороха и до наших дней! До свидания, Жанна! Всем привет.

И ушел.

Жанна посеменила за ним, но у него была совершенно непреклонная спина, и она сначала притормозила, а потом и вовсе отстала. Посмотрела ему вслед и вернулась в отдел, где было уже полно народу, как будто все это время сотрудники прятались за шкафами и шторами!.. Отдел гудел и сотрясался от негодования, как паровая машина братьев Черепановых. Предлагались петиции, воззвания и коллективные письма в защиту.

Владимир Береговой, ничего не знавший о поднявшейся ему вслед буре, решил, что в лифте ни за что не поедет — опять расспросы, сочувственные взгляды и неловкость, сродни той, что всегда испытывают здоровые в присутствии

тяжелобольного, – и стал спускаться по лестнице.

Вообще-то он все время бегал по лестнице, лифта не дожدهшься, а дел полно, везде нужно успеть. Ему нравилось торопиться и успевать или не успевать, и он даже в этих чертовых чайниках научился разбираться, потому что без него никто не стал бы разбираться!

Из-за коробки, прижатой к животу, он не видел ступеней и шел медленно, и его догнала Ольга из отдела русской прозы. Догнала и крепко взяла за локоть.

– Володь, постой.

– Я ухожу.

– Мне нужно с тобой поговорить.

Он посмотрел неприязненно.

Эта Ольга, будь она неладна, нравилась ему, поэтому он всячески ее избегал и демонстрировал безразличие. Сейчас она была ему совсем некстати. Она не должна видеть, как он убирается прочь, поджав хвост, будто собака, которую пинком выкинули из дома!

– Если у тебя опять сеть висит, это больше не ко мне.

– Володя, мне нужно с тобой поговорить. Прямо сейчас. Это очень важно.

– Я ухожу, – повторил он нетерпеливо и дернул головой.

– Ты уходишь из-за меня. – Она как будто споткнулась и остановилась, и ему пришлось остановиться тоже. – Тебя мадам Митрофанова уволила из-за фоток в Интернете, да?

– Да.

– Ну вот. – Она отвела глаза в сторону и вздохнула очень решительно: – Это я их выложила.

– Поздравляю, – произнес Береговой, не зная, что еще сказать.

Они помолчали, стоя посреди лестницы.

– Это я виновата, Володя.

– И что из этого? Ты решила раскаяться? Ну, вот тебе отпущение грехов, дочь моя, а я пошел.

– Что ты заладил – пошел, пошел!.. Мне нужно кое-что тебе показать, очень важное. И это, – она понизила голос и придвинулась к нему, – имеет отношение к убийству. Пони-маешь?..

...Ты что-нибудь понимаешь? Ты понимаешь только, что ее грудь, упакованная в плотный шелк блузки, почти касается твоего локтя – ей-богу! – и от ее волос пахнет упоительно, и она что-то говорит, и ты видишь, как она складывает губы, и блестит сережка в мочке нежного уха.

Убийство?.. Какое убийство?..

– Володь, да проснись ты! Ну, если хочешь на меня наорать, наори, только не молчи! – Но он все молчал, и она нетерпеливо подсунулась еще поближе и понизила голос. – Я выяснила, что в этом деле замешана твоя мадам!

Он отступил и уперся задницей в перила – так, чтобы Ольга его не касалась больше, – и переспросил:

– Какая мадам? В какое дело?..

– Митрофанова, господи, какая же еще!.. А замешана она

в убийстве! Пошли, я покажу!

Алекс не отводил глаз и не шевелился, и Анна Иосифовна дрогнула первой. Вдруг моргнула и заговорила очень фальшиво, и задвигалась слишком суетливо:

– Алекс, душа моя! Ну, что же вы?.. Чай давно готов, вот-вот остынет, а остывший чай – уже не чай!.. Садитесь вот здесь, отсюда отлично видно изразцы, и вы сможете продолжать ими любоваться. Мне очень приятно, что их оценили!.. Вы знаток прикладного искусства?..

Он помедлил.

– Скорее нет, – и, сжалившись, отвел глаза от ее лица. – Знаю немного, когда-то проходил в университете. В основном про немецкую майолику.

Из серебряного чайника Анна Иосифовна наливала в тонкую чашку крепчайший чай, похожий в солнечном свете на расплавленный янтарь.

– Вот как! Какую же немецкую майолику проходят в университете? Кружки Гиршфогеля?.. – Это было сказано с некоторым пренебрежением.

– И еще рейнские, и «штангенкруг».

– А Лимож? Не любите?

Алекс улыбнулся и пригубил чай, чувствуя себя бедным студентом в заношенном сюртучишке, внезапно угодившим за обеденный стол в профессорском доме.

– Ну, это уже Франция, а не Германия, Анна Иосифовна.

И там делали эмаль, насколько я помню.

– Да-да. – Хозяйка, совершенно успокоившись, устроилась напротив и улыбнулась поощрительно поверх тончайшего фарфора. – В пятнадцатом веке в Лиможе как раз научились покрывать металл эмалевыми красками. Я ничего не путаю?..

Видимо, все-таки экзамен, решил Алекс. Занятно.

В последнее время он только и делал, что сдавал экзамены, и все проваливался!..

– Нет-нет, абсолютно верно. Рисунок вырезали на металле, а углубления заполняли черной эмалью. После этого обжигали первый раз, а потом уж накладывали остальные краски и вновь обжигали. Иногда использовали белый и золотой цвета, а, например, Жан Пенико изображал совсем сложные сюжеты.

– Что вы говорите?!

– Библейские и исторические сцены, – подтвердил развеселившийся Алекс. – Влияние в основном, конечно, фламандское, а впоследствии немецкое и итальянское.

– Плюшки прямо из духовки. Моя Маргарита Николаевна только перед вашим приходом достала! Угощайтесь, Алекс. Вот с изюмом, а эти с сахаром, классические. Вы какие больше любите?

Видимо, это означает «отлично». Ставлю в зачетку.

– Я всякие люблю, Анна Иосифовна. – Он посмотрел ей в глаза. – Ваша Маргарита Николаевна просто волшебница.

Передайте ей мое восхищение.

– С удовольствием! Она будет счастлива. Вы курите?.. Если да, вот пепельница, и не стесняйтесь! – Хозяйка придвинула к нему некий хрустальный сосуд сказочной красоты, брызгающий во все стороны разноцветными бликами. – Ахматова всегда говорила, что курение...

– Это цепь унижений, – закончил Алекс. – Все время нужно у кого-то спрашивать разрешения!

– Н-да, – задумчиво пробормотала она себе под нос. – Вот тебе и на...

И не меняя тона:

– Вас когда-нибудь унижали, Алекс?

– Да.

– Я не выношу унижений. – Она раздула тонкие ноздри. Звякнул фарфор, и сделалось так тихо, что слышно стало, как с той стороны стекла назойливо и утробно гудит поздняя муха.

Анна Иосифовна стремительно поднялась и легким, совсем девичьим шагом отошла к пузатому буфету и тотчас же вернулась. В руках у нее была китайская коробочка с желтым богдыханом на крышке. Анна Иосифовна достала сигаретку и спички и, привычно чиркнув, быстро закурила.

Алекс смотрел на нее во все глаза.

Курить в издательстве «Алфавит» было строжайше запрещено, практически под страхом увольнения. В отделе кадров ему сообщили, что генеральная директриса с курением

борется беспощадно и всерьез, как активист движения «За здоровье нации».

– Я долго терпела, – продолжала хозяйка. Сигарета дымилась у нее в руке. – Должно быть, нельзя было так долго!.. Но я... смалодушничала, Алекс. И поплатилась!

– За что?

– В том-то все дело. – Она боком присела на стул и прикрыла глаза. Алекс никак не мог взять в толк, играет она или переживает всерьез. – Я не знаю, за что. И это тоже унижительно, понимаете?

– Не совсем, – сказал он осторожно. – Вы говорите об... убийстве?

– Убийство – последнее звено. Все началось давно, и меня предупреждали о том, что может случиться самое худшее, но я не верила, конечно!

За плечом произошло какое-то движение, Алекс оглянулся, Анна Иосифовна повелительно махнула рукой, и створка тихонько притворилась.

...Кто там может быть? Ах да! Кудесница Маргарита Николаевна с очередной порцией пирогов на блюде!

Или нет?

В этом странном и прекрасном доме все не то и не так, как кажется на первый взгляд!..

– Я в неудобном положении, – вдруг заявила Анна Иосифовна. – Я ничего о вас не знаю, и мне вас, прямо скажем, навязали, но у меня нет выбора. Вы должны узнать обо всем,

а я, видимо, обязана вам рассказать.

– Давайте я попробую, – предложил Алекс. – А вы скажете, прав я или нет. Хотя бы в том, что мне удалось понять. На данный момент.

Прищурившись, она посмотрела на него.

– Н-ну, попробуйте.

– Некоторое время назад вы стали получать письма с угрозами. Кстати, как они приходили? По электронной почте?..

Она кивнула.

– Вначале вы вообще не обращали на них внимания и просто удаляли. Потом они стали вас раздражать. Затем вы забеспокоились. Потом, видимо, испугались.

– Те, что я распечатала для вас, самые безобидные, поверьте мне!..

Алекс помедлил.

– Верю, – согласился он так, как будто вовсе не соглашался. – Очень неосмотрительно было с вашей стороны оставлять их на столе, Анна Иосифовна!

– Да, но я не предполагала, что в день вашего первого появления в издательстве случится это чудовищное убийство! – Она опять раздула ноздри.

...На что она сердится? На него за то, что он появился в издательстве, или на то, что произошло убийство? Да еще такое... неэлегантное!

– Я собиралась спокойно побеседовать с вами, но в этот момент вдруг началось это светопреставление, а потом, – она

махнула рукой, – мне уже было не до записок. Впрочем, вы видели сами!..

– Видел, – опять согласился Алекс так, как будто вовсе не соглашался. – Кто еще знал о том, что вам угрожают? В издательстве знали?

– Нет, – быстро сказала она и решительно потушила в пепельнице сигарету. – Никто не знал.

Слишком быстро и слишком решительно.

– Вы поймите, Алекс, у нас совершенно особенная обстановка! Мы действительно одна семья, хотя у нас работает несколько сотен человек, а если считать склады и оптовые базы, почти две тысячи! И я сделала все для того, чтобы люди на самом деле болели за дело, которому они служат! Служить книгам – это прекрасно! Мне даже представить страшно, что было бы, если б я затеяла, например, внутреннее расследование!..

Алекс удивился – совершенно искренне.

– Вы хотите сказать, что служба безопасности тоже не в курсе?!

– Никто не в курсе. Только я и...

Она вдруг замолчала. Он ждал.

– Хотите чаю, Алекс? – спросила она совершенно другим тоном, светским, легким, угощающим.

– Так, – сказал он скорее себе, чем ей. – Значит, служба безопасности нам ничем помочь не может.

– Я все время удаляла из почты все эти гадости! Ну, у ме-

ня просто не было сил на это смотреть! Я сохранила только последние, которые вы нашли у меня на столе.

– Их нашел ваш заместитель. И немедленно поставил в известность еще одного вашего заместителя, вернее, заместительницу.

Анна Иосифовна пожала плечами:

– Теперь это уже не имеет значения. После убийства вряд ли мне удастся восстановить репутацию издательства! И если бы вы только знали, Алекс, как я ненавижу человека, который посмел вторгнуться в мой мир! Вторгнуться, нагадить в нем и исчезнуть! Как же я его ненавижу!

Алекс знал такую ненависть – острую, обжигающую, не дающую дышать. Знал так хорошо, как будто она была его собственной!.. Впрочем, у него ведь есть и своя, должно быть, точно такая же.

– Убитый... имеет какое-нибудь отношение к «Алфавиту»?

– Никакого. Он не наш. Личность пока не установили, так мне сказали в милиции.

– Странно, – задумчиво произнес Алекс. – Вот это на самом деле странно.

– Что?..

Он поднялся, подошел к печке и потрогал гладкие теплые изразцы.

– Я был уверен, что этот человек – сотрудник издательства и его имя будет легко установить. Иначе совсем непонятно,

как он оказался в том коридоре, да еще в рабочем комбине-зоне!.. Как он туда попал? Кто его пустил? Зачем? Мимо ва-ших церберов муха не пролетит, а он просто так зашел?!

– Каких... церберов?

Алекс улыбнулся.

– Тех, которые сторожат двери, Анна Иосифовна, – пояс-нил он. – В первый раз я объяснялся с ними, наверное, минут двадцать! Кто я такой и что именно мне нужно в вашей... цитадели!

Анна Иосифовна улыбнулась в ответ – довольно натянуто.

– Не в цитадели, Алекс! В обители! Вы же именно это хо-тели сказать?..

– Как я мог перепутать, – пробормотал он, – цитадель с обителью?..

Они помолчали – каждый о своем.

– Расскажите мне о ваших заместителях, – попросил Алекс. – Я же должен с кого-то начать!..

– Катюша – отличный управленец...

– Кто это – Катюша?

– Катюша Митрофанова, – с некоторым недоумением по-яснила Анна Иосифовна. – Первый заместитель. Она доволь-но бойка, и подчас не там, где надо, но вполне управляема и профессиональна. Хотя вот сейчас сделала, с моей точки зрения, страшную глупость! Зачем-то уволила Володю Бере-гового, а он прекрасный мальчик, просто прекрасный! От-личный работник, и мама у него нездорова!.. Впрочем, это

неважно. Саша Стрешнев выбился из редакторов, и начальник из него, прямо скажем, никакой. Зато у него отличное чутье, я бы даже сказала – нюх. Он за версту определяет перспективных авторов и умеет с ними работать. Вадик был еще лучше, но с ним пришлось расстаться. Вадим Веселовский. – Она снова закурила и помахала спичкой, на конце которой трепыхался крохотный огонек. Огонек мигнул в последний раз и погиб. – Вы пришли на его место.

– Почему пришлось расстаться?

– Алекс, прошу меня извинить, но я готова отвечать на любые ваши вопросы, связанные с... ужасным происшествием. Вадим с ним никак не связан, поверьте мне! И причина его ухода не имеет никакого отношения...

– Ко мне, – закончил Алекс.

– К делу, – мягко поправила Анна Иосифовна.

– Вам именно... *пришлось* расстаться? Или он ушел сам?

– Алекс, уверяю вас, эта история тут совершенно ни при чем!

– Значит, какая-то история все же была?

Старуха не дрогнула и не отвела глаз.

Впрочем, Алекс уже всерьез сомневался, что она старуха!.. Может, по ночам она превращается в Василису Премудрую и, взмахнув рукавом, пускает лебедей по озерной глади!

У них все совсем не так, как кажется на первый взгляд. Вот и Митрофанова оказалась Катюшей – кто бы мог подумать!

– Вы давно ее знаете, Анна Иосифовна?

– Простите?

– Катюшу, – пояснил Алекс. Эта самая «Катюша» выговори-
лась им с некоторым усилием. – Вашу заместительницу?

– Ах, боже мой, конечно, давно! Алекс, я их всех знаю сто
лет! Они выросли у меня на глазах!..

...Интересно, она скажет, что все сотрудники для нее как
любимые дети, или нет?..

– Кто из них вырос у вас на глазах?

– Саша, – ответила она с недоумением, как будто он спра-
шивал о чем-то совершенно очевидном и всем известном. –
Сашу Стрешнева я помню совсем ребенком! Мы очень дру-
жили с его отцом, он руководил одним из крупных изда-
тельств. Мать, кажется, работала в каком-то детском журна-
ле и ничего собой не представляла. – Это было сказано с
некоторым пренебрежением. – В детстве Саша был вылитый
отец, удивительно даже!.. Настоящая ленинградская порода,
если вы понимаете, о чем я говорю.

Алекс промолчал.

– Слишком благородный, – пояснила Анна Иосифовна. –
Слишком незащищенный. Жил очень трудно, и как только у
меня появилась возможность надежно его устроить, я немед-
ленно пригласила его на работу.

– Получается, что Стрешнев в «Алфавите» со дня осно-
вания?

– Ну, может быть, не с самого первого, но – да. Мы вместе

начинали.

– А Митрофанова?

– Катюша работает пять лет. Нет, уже шесть, в ноябре будет шесть!.. Я знала ее бабушку. У Катюши тоже очень, очень непростая судьба, она появилась как раз в тяжелое для себя время и поначалу была такая неуверенная, очень запуганная девочка! Я даже на совещаниях старалась к ней не обращаться, она совершенно не могла выносить, когда на нее смотрят! И говорила почти шепотом.

Алекс вспомнил, как Митрофанова ефрейторским голосом спрашивала у него: «Вы кто?!» – и выясняла с пристрастием, не привез ли он бумаг от некоего Канторовича. Нда... Неуверенная в себе, запуганная девочка с непростой судьбой, как бы не так!..

– Вадим Веселовский тоже... аксакал? И тоже был неустроен, когда вы его приютили?

– Алекс, вам хочется меня задеть?

Ему очень хотелось ее задеть, ну, просто невыносимо! Может, потому, что в каждом ее слове он подозревал ложь и фальшь, или потому, что его самого Анна Иосифовна тоже подобрала «в трудное для него время», и он сам нынче на редкость «не защищен» и не может выносить, «когда на него смотрят»!.. Ноты разные, а пьеса та же, и за роялем все та же Анна Иосифовна.

– Впрочем, вы человек новый и имеете право на непонимание, – вдруг заявила то ли старуха, то ли Василиса Пре-

мудрая, кто-то из них двоих. – Вадим пришел одновременно с Катюшей.

– Вы хорошо знали его отца? Или бабушку?

Анна Иосифовна рассмеялась, очень живо, и принялась составлять чашки на серебряный поднос. Этот странный молодой человек нравился ей, и, похоже, она в нем не ошиблась.

– Вадима я нашла, кажется, через кадровое агентство. Нынче все очень удобно устроено! Кого угодно и что угодно можно найти или в Интернете, или через какое-нибудь агентство! Правда, Алекс?..

Пусть не думает, что только он один способен на провокационные вопросы! Он посмотрел внимательно, и Анна Иосифовна похвалила себя.

– У них был такой красивый, такой... старомодный роман!.. – продолжала она, собирая посуду. – А потом все закончилось, и ему пришлось уйти.

– Роман... с кем?

– С Катюшей! С Катюшей Митрофановой! Мы все надеялись, что они поженятся и будет свадьба, а потом, бог даст, крестины, но ничего не вышло. Очень грустная история.

– Вадим Веселовский уволился сразу после грустной истории?

– По правде сказать, это я его уволила. – Она вздохнула. – Современные молодые люди, даже лучшие из них, слишком толстокожи, знаете ли... Ему бы и в голову не пришло уйти.

Он продолжал работать, несмотря на то что Катюша стала похожа на тень и день ото дня чувствовала себя все хуже и хуже.

– Это из Чехова? – быстро спросил Алекс, не успев поймать себя за хвост. – «Цветы запоздалые»?.. Княжна Маруся день ото дня чувствовала себя хуже и хуже, а доктор не обращал на нее никакого внимания?!

– Алекс!

Кажется, ему наконец-то удалось ее рассердить.

Анна Иосифовна негодуяще подвинула серебряный поднос, опустилась в кресло и захохотала.

– Вы невозможный! – заявила она с удовольствием, похотав немного. – Впрочем, талантливые все невозможные!.. Хотите кофе? Или поесть? Моя Маргарита Николаевна...

– Что вы сказали?

– Я предложила вам поесть, – повторила Анна Иосифовна весело. – Чай – это прекрасно, но мне почему-то хочется вас накормить!..

– Нет. – У него взмокло между лопаток. – Что-то про талант.

– А-а, – протянула она. – Талант – это всегда трудно, Алекс. Так как насчет обеда? Или прогуляемся немного? Мне нравится с вами болтать! Мы же просто болтаем, правда?..

...Она знает обо мне. И пытается это сказать. Но этого просто не может быть. Никто ничего обо мне не знает. Не

должен знать! Как только станет известно хоть что-то, все пойдет прахом. Даже некое подобие жизни, которой я живу сейчас, закончится. А мне бы этого не хотелось. Ох, как не хотелось бы!..

Алекс перевел дыхание, и вдруг какое-то движение за окном привлекло его внимание.

Он посмотрел, и кровь ударила в голову так, что зазвенело в ушах.

По лужайке стремительно и бесшумно неслась страшная черная собака. Он уже видел эту собаку – когда его били на детской площадке.

Сгусток тьмы. Призрак.

– Что это?!

Анна Иосифовна оглянулась встревоженно и быстро пошла к нему.

– Что с вами, Алекс?..

Он, не отрываясь, смотрел за окно.

Никого не было на лужайке. Между двумя ударами сердца собака как в воду канула.

В «Чили», как назло, было полно народу, и Владимир Береговой, уволенный начальник IT-отдела, прошел в самый дальний угол, сунул свою коробку между диванами, забился в тень и замер, уставившись в пол и всем своим видом демонстрируя, что его приволокли сюда против его воли и почти что силой.

«Чили» в издательстве «Алфавит» именовалось просторное помещение на первом этаже, декорированное в восточном стиле – с низкими диванами, драпировкой на стенах, покойным светом и столиками на толстых слоновьих ногах. Не хватало разве что кальянов, нагих гурий и музыкантов, наигрывающих на удде. Здесь принимали гостей попроще, тех, что не удостаивались приема во дворце, на «бабкином» пятом этаже, вели не слишком важные переговоры, встречались с авторами по текущим делам и просто забежали поболтать и выпить настоящего кофе, который варил в настоящем кофейнике хмурый молодой человек, настоящий турок. Помещение было придумано и обставлено, разумеется, Анной Иосифовной, а откуда взялось экзотическое название, никто не помнил. Кажется, произошло оно от слова «chill-out», значения которого никто хорошенько не знал, но Анна Иосифовна, помнится, настаивала, что издательству совершенно необходима «зона отдыха», то есть этот самый «чилл-аут». Потом заключительная часть непонятного слова утратилась, и осталось просто «Чили».

Сегодня здесь были Стрешнев с писательницей Маней Поливановой, известной широкой публике как Марина Покровская, Надежда Кузьминична с кем-то из своего отдела, Беляев из службы безопасности с чашкой кофе и газетой и – Береговой удивился – уволившийся некоторое время назад Вадим Веселовский.

Веселовский издала кивнул, и Береговой кивнул в ответ,

маясь от неловкости.

Зачем Ольга его сюда притащила?! Он больше не имеет никакого отношения к этому миру. Он такой же уволенный, как и этот самый Веселовский, никому здесь нынче не нужный, чужой и далекий! На место Веселовского уже пришел другой, со странной двойной фамилией, и на место Берегового завтра тоже кто-нибудь непременно придет.

У нас незаменимых нет, ясный хобот!..

– Кофе будешь, Володя?..

– Оль, давай говори, что хотела, и я поеду. Кофе мне не надо.

Она горестно на него посмотрела. Этот взгляд должен был означать, что ей очень нелегко, она так виновата перед ним, а он ничем ей не помогает, сердится, брыкается, упирается!..

Впрочем, он прав. Из-за нее его уволили. У него есть основания сердиться.

– Вот смотри, – она распахнула ноутбук, который все время держала под мышкой, и уселась рядом с ним, очень близко. Он покосился и коротко вздохнул. – Помнишь, Митрофанова сказала, чтоб никто не смел фотографировать, она всех уволит, если что-то появится в Интернете? Ну, в тот день, когда человека убили?..

– Помню.

– Ну, я фотографировала, конечно. Я хотела детектив придумать. Только настоящий, а не какую-то там лажу, как все эти пишут!.. – И она подбородком показала на писатель-

ницу Поливанову, которая в отдалении что-то громко втолковывала Стрешневу.

– В каком смысле... настоящий? – не понял Береговой.

– Ну, чтобы труп был настоящий, понимаешь? И расследование тоже! Как в реалити-шоу! Я хотела в своем блоге это обсудить, и чтоб мы все вместе нашли убийцу. А для этого нужны фотографии с места происшествия. Как можно больше фотографий!

Экран ноутбука осветился, синие блики легли на ее светлые волосы, сделав их серебристыми, сверкающими, как у инопланетянки.

– Преступник всегда оставляет следы, понимаешь? – Она мельком глянула на Берегового и опять уставилась в экран. – Только у плохих авторов преступники бестелесные и бесполое существа, а на самом деле следы всегда есть, их просто нужно поискать! И я снимала подряд все, что на глаза попадалось. А потом фотки выложила в блоге и бросила клич: кто первый найдет улику. Володь, ты чего?..

Он молча смотрел на нее. Ему было противно. Оказывается, все началось не в ту секунду, когда сука Митрофанова решила его уволить, а тогда, когда милая девушка Оля из отдела русской прозы захотела поиграть в детектив с «самым настоящим трупом»! А поплатился за это он, Владимир Береговой!

– Но никто не нашел никаких улик, – продолжала милая девушка, – представляешь?..

– Оль, ты что? Дура? – обидно спросил он и поднялся. – Выпусти меня, я пойду.

Она потянула его книзу за джинсы, заставив снова сесть.

– Ты не дослушал! Никто ничего не нашел, а я нашла!

– Поздравляю тебя, – сказал Береговой брезгливо.

– Да, да! – жарко выговорила она и пунцово, некрасиво покраснела. – Я знаю, что дура и во всем виновата! Но все-таки посмотри!..

– Ты ни в чем не виновата, но разыгрывать спектакли в Интернете с настоящим трупом, по-моему, маразм. Я даже... – он хотел сказать что-нибудь старомодное и до ужаса банальное, вроде того, что он такого от нее не ожидал, но она перебила:

– Вот смотри. Видишь, у него из кармана выглядывает?..

Береговой посмотрел на фотографию в компьютере.

– Это пропуск, – на ухо ему одними губами выговорила Ольга. – Если вот так приблизить и увеличить, его отчетливо видно. Там даже буквы можно разобрать!

Береговой еще раз посмотрел. Ольга вертела на мониторе фотографию лежащего ничком мужчины, то приближала, то отдаляла, и Владимир невольно заинтересовался.

– Ну, возможно, это пропуск, – согласился он. – И что из этого следует?

– А теперь сюда смотри! – И она вывела на монитор следующую фотографию – тот же человек, лежавший в той же позе.

– Ну и что?

– Ты ничего не замечаешь?

Он пожал плечами.

– Ну вот! – торжествующе зашептала она. – И никто не заметил! А я заметила! *На этой фотографии пропуска у него в кармане нет!* Куда он мог деться? Труп не трогали, не переворачивали, по крайней мере, до приезда ментов! А когда менты приехали, нас всех оттуда разогнали, и я уже больше ничего не фотографировала! Ну, вот же, вот!.. Здесь из кармана у него торчит что-то, а здесь уже нет!

Береговой шарил глазами по экрану, переводя взгляд с одной фотографии на другую, вроде точно такую же, и от сознания того, что на них «настоящий» труп, ему было не по себе.

– И я стала искать, куда он мог деться у него из кармана! – продолжала Ольга. – Я их все пересмотрела, эти фотки, и так, и эдак, и с увеличением, и без. Все, что наснимала!.. Я же щелкала все подряд, держала телефон в руке и щелкала. Это Надежда Кузьминична, видишь, в обмороке почти, это новенький, не знаю, как он здесь оказался, это Литовченко попался, а это...

На фотографии был все тот же труп, снятый на этот раз под каким-то другим, неправильным углом, и чья-то смазанная рука в белой манжете с запонкой на переднем плане. В руке зажат прямоугольный кусочек пластика.

– Это она вытащила у него пропуск, твоя мадам!.. Это ее

манжета, у нас запонки больше никто не носит, а она как раз в тот день была в костюме!.. И еще шарф какой-то дебил-ный!.. Я точно помню, Володя! Она увидела пропуск и под шумок его вытащила! Она над трупом сто раз наклонялась, это я тоже помню!

– Зачем?!

– Чтоб никто не догадался, что тот, кто потом стал трупом, к ней приходил! Она же громче всех визжала, что не знает, кто это! И даже хотела Сергея Ильича из хозяйственной службы вызвать, чтоб он его опознал! А она знала, кто он! Потому что у него, у трупа, был ее пропуск!

– Почему ее?

– А потому что там ее фамилия! Я же говорю, буквы можно разобрать!

Береговой хотел что-то сказать, раздумал, переставил ноутбук к себе на колени и почти уткнулся носом в экран. Перелистал фотографии. Сначала так, а потом эдак. Их оказалось очень много, и на каждой – мертвое тело. В равнодушной и отстраненной документальности этих фотографий была просто констатация факта – ну да, мертвое тело, ничего особенного. Объект для исследования, вернее сказать, исследования. Не человек, а именно объект.

Но ведь это был именно человек – до тех пор, пока его не убили!.. И его нельзя, не должно исследовать, как... лабораторный материал!.. Или можно?..

– Ну, вот, вот! Останови, Володя!.. Увеличь эту! Еще,

еще! – Ольга придвинулась совсем близко. Красивая девушка – как объект. – Видно не очень, конечно, но буквы можно разобрать. Видишь?.. «О», «в», «а», «ова»! Митрофанова, выходит!

– А может, Кузнецова или Жукова. Иванова подходит. Сидорова тоже. Все, как одна, «ова»!

– Володь, ну ты чего? Если Митрофанова пропуск вытаскивала, а это она, потому что рука совершенно точно ее, значит, у нее были на то какие-то основания! А какие могут быть основания, кроме ее фамилии?! По ее пропуску все бы догадались, что он к ней шел!

Береговой рассматривал фотографию руки в белой манжете, зажавшей пластмассовую карточку.

Неужели Ольга права?.. Неужели Митрофанова как-то причастна к убийству?.. Ну, может, не причастна, а замешана?.. Ну, допустим, не замешана, но имеет какое-то отношение?..

Это все меняет, если оно так. Если так, значит...

В эту секунду спокойный и умиротворенный «Чили» всколыхнулся, как сонный пруд, в который шлепнулась жаба. Дверь широко и резко распахнулась, сквозняком отдернуло золотистую гаремную штору, и появилась Митрофанова, что-то громко вещавшая в мобильный телефон.

Береговой весь подобрался, турок замер за стойкой со своим кофейником, Надежда Кузьминична уронила свои бумаги, и даже писательница Поливанова, известная митрофа-

новская подружка, не прерывая разговора со Стрешневым, посмотрела в ее сторону с неудовольствием.

– Саша, – оторвавшись от телефона, на весь «Чили» провозгласила Митрофанова, – я тебя никак не могу найти, а ты мне нужен!

– Здравствуй, солнышко, – проворковала Поливанова и двинулась к ней целоваться.

Береговой усмехнулся не без яда. «Солнышко», произнесенное густым Маниным контральто, прозвучало как-то на редкость двусмысленно.

Облобызав Маню, Митрофанова окинула взглядом доселе вполне мирный издательский приют и на секунду задержала взор на уволенном Владимире Береговом. Уволенного Вадима Веселовского она, похоже, не заметила.

– Саш, у вас разговор еще надолго?

Вместо Стрешнева ответила – ясное дело! – Поливанова, попытавшаяся придать своему контральто немного легкомысленного дружелюбия:

– Нет, Катюшенька, мы уже заканчиваем. Это я его задержала, ты извини нас.

...Кто такая эта Катюшенька?! Нету у нас никакой Катюшеньки! Ах да. Митрофанова же Екатерина Петровна!.. Ясный хобот, Катюшенька – это она. Писательница Поливанова ее ласково так называет. Как можно быть ласковой... с Митрофановой?!

– Ну, хорошо, если ненадолго, – громогласно продолжала

эта самая Катюшенька. – Саша, там с бумагами от Канторovichа приехали, я к тебе направила, человек ждет. Надежда Кузьминична, ты бы зашла ко мне, когда... освободишься! – Это было сказано так, что всем сразу стало понятно: начальница абсолютно убеждена в том, что перед ней сплошь бездельники и тунеядцы, злоупотребляющие служебным положением и лояльностью руководства.

Нагнав на всех уныние, ввергнув в сознание крайней неполноценности и наведя, таким образом, должный порядок, Митрофанова уже совсем было вышла из «Чили», но решила поставить последнюю, так сказать, ударную точку. Или восклицательный знак.

Взявшись за позолоченную латунную ручку, искусно сделанную в виде слоновьего хобота, она помедлила, устремив взгляд в полумрак, в сторону самого дальнего дивана, где здоровенный Владимир Береговой пытался спрятаться за ноутбук, прищурилась и отчеканила:

– Вас ведь уволили, не правда ли?

Береговой медленно поднялся. Ноутбук он держал в руке. В помещении стало очень тихо.

– Екатерина Петровна, – негромко и предостерегающе окликнул ее Стрешнев, но Митрофанова только повела плечом.

Нужно до конца разъяснить праздным сотрудникам, кто здесь главный – был, есть и будет всегда! Тем более повод отличный и объект вовремя подвернулся под руку, очень удоб-

но получилось.

– Я прошу вас покинуть издательство, – продолжала чеканить Митрофанова. – Как ваша фамилия? Я все время забываю...

Береговой молчал.

– Впрочем, неважно. Вам здесь решительно нечего делать! И вам, – тут она перевела взор на Ольгу, – хорошо бы вернуться на рабочее место. Вы ведь пока еще здесь работаете!

На «пока еще» она приналегла голосом так, что стало понятно – дни сотрудницы редакции русской прозы сочтены. Совсем немного их осталось!..

Береговой громко вздохнул и с преувеличенной аккуратностью положил ноутбук на диван. И пошел прямо на Митрофанову.

Вид у него был устрашающий.

У Ольги задрожали колени – на самом деле задрожали, она даже не смогла встать. Попробовала было, и не смогла.

Со всех сторон наперерез Береговому бросились люди.

Митрофанова дрогнула и попятилась. Береговой все шел.

– Вы не имеете права оскорблять людей только потому, что вам это нравится! Вы не можете уволить всех, а мне уже наплевать! Наплевать!

– Володя, Володя, остановись!..

– Катюша, уходи, ты видишь, он не в себе!..

– Может, охрану вызвать? – гомонили вокруг.

Ольга вскочила, побежала и схватила Берегового за свитер. Он вырвался.

– Вы ведете себя как идиотка, как истеричка! Никто не виноват, что у вас преждевременный климакс! – Он сжал кулаки, кто-то за его спиной взвизгнул. – Вам нельзя с людьми работать, вам со свиньями надо! В навозе!!! Там вам самое место!!!

Митрофанова все пятилась, в глазах у нее появился ужас, но Береговой не видел никакого ее ужаса.

– Я раньше думал, что вы просто... дрянь, – он выплюнул это слово ей в лицо, – но вы не просто!.. Вы людей убиваете! И я это докажу!

Митрофанова уперлась спиной в стену, отступить было некуда. Беляев из службы безопасности медлил в отдалении и на помощь ей не спешил. Маня Поливанова порывалась кинуться, но Стрешнев крепко держал ее за руку.

Береговой постоял еще секунду – Катерине Петровне показалось, что он сейчас ее ударит. Она зажмурилась, и молнией мелькнувшая мысль о том, что на ней очки, и осколки стекол порежут глаза, и по щекам потечет кровь, была так страшна, что нечем стало дышать.

Бабахнула дверь.

Митрофанова медленно открыла глаза.

Береговой исчез, только колыхалась золотистая гаремная штора.

Чайник все никак не закипал, и от разгулявшегося к ночи ветра в кухоньке было холодно и сильно пахло улицей.

Екатерина Митрофанова, устав караулить чайник, присела боком к столу, переложила ложку и переставила чашку, посмотрела и вернула все на прежнее место – в новой редакции, переставленные по-другому, чашка и ложка выглядели не идеально.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.